Секрет воспоминаний. Кто я?

Автор:
Виктория Новикова

Секрет воспоминаний. Кто я?

Виктория Олеговна Новикова

Кто я? – часто задаваемый вопрос у многих подростков. Но для главной героини книги это стало тем, чему приходится посвящать последний год в старшей школе. С приходом нового ученика в жизни Кэйли стало все меняться, включая ее саму. Жуткие ночные кошмары, не принадлежащие ей воспоминания и странные новые знакомые по кусочкам воссоздают историю ее прошлого, а пробуждающиеся способности заставляют сомневаться в настоящем. Чтобы узнать все тайны и понять свою роль в уже не таком знакомом, как она думала раньше, мире, Кейли предстоит сделать выбор между повиновением или сопротивлением своей судьбе. И она даже не догадывается, к чему приведет ее решение.

Автор Новикова Виктория

Секрет воспоминаний

Кто я?

Глава 1

Ночь. Весь мир поглощен мраком, только луна освещает мне путь. Я иду вперед, видя перед собой только этот огромный шар, который является единственным источником света. Постоянно останавливаясь и оглядываясь назад, я видела только черноту и ничего больше.

Постепенно меня начала охватывать паника, и, чтобы совсем не сойти с ума, я ускорила шаг. И словно только что открыв глаза я, наконец, поняла, что нахожусь в лесу. Чувство страха полностью завладело мной, и я побежала.

И вот, наконец, я достигла края… края обрыва. Я замерла. Казалось, мир перестал существовать – я слышала лишь собственное дыхание и бешеный пульс, стучавший в моих висках, а все внимание было сосредоточено на раскинувшейся передо мной пропасти. Один шаг вперед и я упаду в неизвестность, туда, куда привел меня мой разум и мое тело. Я оглянулась, не в силах понять, что делать дальше. Тогда я увидела его. Он медленно и осторожно ко мне подходил. Парень невероятной красоты вызывал во мне не только восхищение, но и настороженность.

«Я должна его бояться? – в голове начали возникать вопросы. – В случае нападения я должна буду бежать от него или защищаться?».

Вот уже между нами было расстояние настолько маленькое, что я могла бы дотронуться до него. Я посмотрела ему в глаза… и заглянула ему в душу. Казалось, я могла узнать все, что он чувствует. Он испытывал тревогу. Мне безумно захотелось успокоить его, спросить, что его так беспокоит, потому что его боль отразилась во мне. Он протянул мне руку. Мне ужасно захотелось ответить взаимностью, то есть хотелось пойти с ним. Неважно куда, как или зачем… Главное с ним.

Но влечение быстро прошло. Я уже было потянулась к нему рукой, но как только он улыбнулся (хотя улыбка была очаровательной) мной овладел страх. Я испугалась и отскочила назад… Но позади меня была пропасть. Я начала падать, темнота сгущалась…

Я открыла глаза, а звонкий крик так и застрял у меня в горле, но обнаружив, что нахожусь у себя в спальне, сразу успокоилась. За окном была еще ночь. Часы показывали 3:10. Мне предстоял тяжелый день, поэтому я не стала думать о приснившемся мне кошмаре и заснула.

Утро было солнечное, как никогда. Я проснулась чуть позже, чем собиралась. Думаю, всему причиной дурной сон, тревоживший меня чуть ли не всю ночь. Ведь после того, как я заснула, еще не раз просыпалась, снова и снова видя перед своим взором одно и то же.

Сон был довольно странный, и вообще, сны редко посещали меня, а если же и снилось хоть что-нибудь, то я редко их запоминала. В это же утро я все отчетливо помнила. Он заканчивался всегда на одном и том же месте – я падала…

Сейчас я могла бы просто забыть о нем и спокойно отправиться в школу, но, овладевшее мной незнакомое волнение, подсказывало, что это имеет какой-то важный смысл, и мне придется докопаться до него.

Но, как бы мне не было страшно и любопытно одновременно, я заставила себя встать с кровати и отправилась в ванную. Сегодня было важно придти в школу вовремя. Все-таки первое сентября уже. А это значит конец теплым денькам, загаранию на пляже и морю свободного времени.

Через десять минут я вернулась из ванной комнаты и, подойдя к шкафу, сняла с вешалки подготовленную заранее одежду. Чувствуя себя совершенно уставшей и не выспавшейся, я кое-как натянула на себя блузку из голубого шелка с глубоким вырезом (которую одевала редко, только в особых случаях), брюки черного цвета, зауженные к низу, и подошла к зеркалу. В нем я увидела девушку среднего роста с растрепанными волосами; длинные светлые локоны торчали со всех сторон. Их пришлось укладывать гелем – расческа не помогала.

Важность сегодняшнего праздника заставила меня накрасить ресницы. Мои большие зеленые глаза стали более выразительнее на фоне светлых волос и загорелого лица, но, к сожалению, я не любитель накладывать макияж. И, тем не менее, на столике всегда присутствовала косметика, потому что моя мать – Элизабет – настаивала на том, чтобы я хотя бы изредка украшала свое лицо. Ну что сказать, она визажист. Но ее профессия и моя вовлеченность в ее работу никак не повлияли на мои увлечения и интересы.

Она часто разъезжала по праздникам или еще каким-нибудь светским вечеринкам, а меня изредка брала с собой. Все зависело от того, была ли я занята в тот или иной день. Я помогала маме на серьезных мероприятиях (подносила ей нужные предметы для макияжа, а потом часами наблюдала, как она справляется со своей работой) и это, казалось, должно было привить мне любовь к этому виду деятельности, но нет. Все как раз наоборот. Видя, как женщины или девушки менялись для того, чтобы понравиться кому-то или даже себе, во мне рождалось противоречивое чувство. Я не должна быть такой, как они.

После окончания мероприятия я подходила к зеркалу и с удовольствием смотрела на свое отражение, понимая, насколько естественно красива.

На миг меня переполнило чувство горечи по этим интересным дням. Мама уже давно не брала меня с собой на работу, и это немного огорчало. Но не время думать о прошлом. Меня ждет первый день в школе…

Боясь что-нибудь забыть, я оглядела свою спальню. Она была довольно просторной, что очень мне нравилось. У меня была двуспальная кровать, а на стене над головой висела большая доска из красного дерева, в которую было вставлено зеркало. На поверхность доски я обычно вешала картинки с изображением того, чего я очень хочу (например, название клуба фехтования, в который я хотела бы записаться, или машины) и фотографии…

Сейчас там висело несколько снимков с нашей последней вылазки на озеро с друзьями: одна – Грейс (моя подруга) со своим парнем в споре, кто из них виноват в том, что подгорели сосиски на костре (хотя мы-то знали, что оба виноваты, нечего было заниматься не тем чем надо во время приготовления); другая – это еще две парочки (парни поймали каких-то насекомых и, прижав девчонок к огромному дереву, запугивали их невинными существами); ну, а последняя – это я, но одна. Меня сфотографировали в профиль. Я сидела на утесе, с которого было видно все озеро и лес окружавший его. Мое лицо выражало глубокую печаль, хотя мне и не было грустно… Мне просто чего-то не хватало…

Пытаясь отстраниться от хлынувших на меня чувств, я отвернулась от фотографий и наткнулась на шкаф в противоположной стене от кровати. С первого взгляда кажется, что он маленький, но внутри таится неимоверное количество вещей. С помощью моего гардероба мне удается изменять свой облик почти каждый день.

Я бросила последний взгляд на стол, в надежде, что ничего не забыла. Рядом с ноутбуком, которым я пользовалась лишь для того, чтобы зайти в интернет, валялись ручки, книги и другие вещи для учебы. Но ничего из этого мне было пока не нужно.

В моей комнате были еще два важных предмета, без которых я жить не могу. Это шкаф с книгами, которые я перечитала по нескольку раз, и диван. Он стоял

возле окна и был совсем маленький, старый, красного цвета с узором из цветов на подлокотниках. Родители подарили мне его на Рождество, когда еще жили вместе. В те счастливые дни я каждый день перед сном долго стояла у окна. Помню, как родители, чуть ли не силой отрывали меня от созерцания ночной природы, и укладывали спать, а когда уходили, я опять вставала и смотрела, не отрываясь, до полуночи. Такой спокойный мир… и такой таинственный…он захватывает своими тайнами, поглощенными сумерками, и заставляет забыть обо всем на свете, кроме этого прекрасного, но страшного мира.

Я отвлеклась от воспоминаний и спустилась на кухню. Мамы в это время уже не было, а на холодильнике висела записка: «Сэндвичи в холодильнике, буду в шесть. Мама». Так я в одиночестве поела и отправилась в школу.

Когда я открыла входную дверь, меня окатило волной теплого ветерка. Настроение сразу же поднялось, ведь только вчера лил дождь. Для города Портленд, в котором я живу, пасмурная погода – обычное дело. Сейчас же светило яркое солнце. Я взглянула на часы и, несмотря на то, что собиралась довольно медленно, с удивлением заметила, что времени у меня в обрез. Занятия начнутся через двадцать две минуты, а за это время я успею дойти до школы (не очень хотелось в такой день ехать в душном автобусе) и даже поболтать с друзьями.

Глубоко вдыхая свежий, чуть сыроватый воздух уже наступившей осени, я легкой походкой двинулась по направлению к школе. Вокруг витал аромат прибитой вчерашним дождем пыли и пожелтевших листьев. Странное предчувствие, вызванное пугающим сном, испарилось, оставив место для новых переживаний. Только сейчас я вспомнила о том, что иду в школу, где встречу друзей, с которыми не виделась почти целое лето. Улыбнувшись, я ускорила шаг.

Я прошла по Джеферсон-стрит (улица, на которой я живу), свернула на улицу Хоторн, ведущая напрямую к восточному входу школы, и заметила в тени деревьев человека. Я остановилась и уставилась на незнакомца. Он был высоким и стройным. Черт лица я не разглядела, потому что ветки орешника отбрасывали на него тени, но глаза… они будто заглатывали меня своей притягательностью. Я была прикована к его взгляду и будто тонула в этих глубоких глазах.

Не знаю, сколько времени прошло с тех пор, как я неподвижно стояла посреди тротуара, но прохожие уже стали оборачиваться, бросая на меня удивленные взгляды. Парень стоял в нескольких футах от меня. Но, казалось, расстояния

между нами не существует. Так же незначителен был окружающий мир вокруг меня – существовал лишь он, и больше никто не имел значение.

– Кэйли Шелбер? Неужели ты?

Я обернулась на голос, пробудивший меня от гипноза (именно так я и назвала только что произошедшее). Передо мной стоял Николс Далверд. Он учился у нас в школе до середины десятого класса, а потом его семья переехала, и о красавце Нике не было никаких известий.

– Оу! Здравствуй. Не ожидала тебя вновь увидеть здесь, – сказала я, а сама старалась посмотреть на незнакомца стоящего в тени.

– Я и сам не думал, что вернусь сюда когда-нибудь, – он обвел глазами стоящую неподалеку школу и всю улицу.

Я заметила, что эти слова давались ему тяжело, будто он сам не верил в то, что говорил.

– Ну, а ты как? Ты так сильно изменилась.

Чтобы придать нашему разговору немного непринужденности, я решила, что капелька флирта не помешает:

– Вот даже как. Что-то я не слышу в твоем голосе одобрения.

При этом я лукаво улыбнулась и игриво прищурила глаза. Его взгляд смягчился, и на лице появился намек на улыбку. Этого я и ждала, и поэтому, немного расслабилась.

Скажу прямо, парень он совсем даже ничего. То есть привлекательный. В школе он всегда был в числе популярных, но Ник этим не хвастал. Ну, знаете, как обычно бывает в кино. Он же был всем доступным, с ним можно было просто поговорить. Наверно за такую открытость и доброжелательность его все так уважали.

Если говорить про то, какой он сейчас, то Ник тоже претерпел изменения, в лучшую сторону: окреп, лицо приобрело мужественные черты, одним словом он вырос, стал настоящим мужчиной. Надеюсь, его характер остался прежним. Мы были хорошими знакомыми, но может в этот раз все будет немного по-другому.

Проникнувшись каким-то приятным чувством, я совершенно серьезно сказала:

– Я рада, что ты вернулся.

Он выжидающе на меня посмотрел, думаю, выискивая на моем лице отражение лжи, но я говорила от чистого сердца, и он, грустно улыбнувшись, выдохнул.

– Я тоже.

Что-то в его поведении казалось мне странным. Все в нем говорило о печали: опущенные ресницы, наклон головы, неуверенная речь и голос. Казалось, ему совсем не хотелось разговаривать, и даже находиться здесь. Это совсем не похоже на вечно веселого Ника. Может это происходит из-за причин, заставивших его семью уехать из города.

Эти причины мне не известны. Но со временем я во всем разберусь, а сейчас не буду заваливать парня вопросами в его первый день после возвращения. Главное, он приехал и может сыграть важную роль в моей жизни. Я не знаю, как объяснить это чувство, но, мне кажется, Ник значительно повлияет на меня и мой образ жизни. Можно назвать это женской интуицией.

Но удовольствие от встречи с Ником начало утихать по мере того, как я начала вспоминать о том загадочном парне, что стоял в тени, из-за которого я окаменела. Во мне нарастало беспокойство. А вдруг он следил за мной? Понимаю, звучит глупо, но ведь он также не отрывал от меня взгляда.

Я осмотрелась вокруг, и заметила, что его уже нет. Это немного успокоило меня. Может, я вообще зря беспокоюсь? Этот человек там мог стоять просто так. Или ждать кого-то. Да, наверно, это так и есть. А я просто наткнулась взглядом на него, и вообразила себе это чем-то значащим. Решив, что этот эпизод не имеет никакого значения, я снова обратилась к Нику, который в данный момент действительно важен для меня.

– В какой ты класс поступил? Или… ты вообще-то пошел в школу?

Он издал смешок.

– Куда бы я делся. Все-таки в этой школе я учился всю жизнь. Я бы не променял ее ни на какую другую.

– Хочешь сказать, все дело только в самом заведении?

– И ты снова ошибаешься, – голос Ника становился все более живым, а на лице появлялись знакомые черты забавного и веселого друга.

– Может, пойдем в школу, а то скоро начнутся уроки, – предложила я и, идя по знакомым улицам, продолжила. – Вы на совсем или же на время…

Мы отправились в школу, обсуждая по дороге совершенно банальные темы: школьные новости, погоду, летние каникулы и тому подобное. Но меня не устраивал такой разговор. Меня мучил вопрос, касающийся его переезда из города. По каким причинам? Куда? Почему так внезапно?

Я помню этот день. Конец декабря. Снег валил. В школе шла вторая неделя интенсивной подготовки к зимнему балу: украшение зала, написание сценария, подборка костюмов. В общем, все были возбуждены до предела. В тот период я и Ник входили в состав группы помощников организаторов по декорациям (кстати, тогда-то мы и сблизились). Нас собрали в актовом зале для подборки гирлянд. Но Ник тогда не пришел. Все очень удивились, так как в этот день все видели его в школе. Я предложила найти его и, потратив впустую время на беготню по кампусу, решила, что он уже ушел.

Но на следующий день в школе он вообще не появился. Даже его друзья не знали, где Ник. Пришлось обратиться к администратору. И только тогда мы узнали, что Ник забрал документы в предыдущий день и уехал из города.

Тогда эта была новость недели. Одни из-за этого расстроились, а другие с удовольствием строили догадки по поводу его исчезновения. Но вот он сейчас здесь, идет рядом со мной и говорит так, будто он никуда и не уезжал. Ну, уж нет, ему не удастся так просто забыть этот случай.

– Где ты был?

– Что? – переспросил он так, будто не понял к чему относиться мой вопрос.

Я остановилась посреди дорог и, взглянув в его глаза, одновременно требовательно и умоляюще сказала:

– Куда ты уехал?

Ник выдержал мой взгляд, и с непонятным выражением лица (то ли это презрения, то ли страха) отвернулся и пошел дальше.

Сначала я хотела потребовать объяснения, накричать на него за то, что он бросил нас всех в недоумении не оставив о себе ни весточки… но гнев быстро прошел, как только до меня дошло, что я не имею вообще никаких оснований допрашивать его. Ведь, по большому счету, мы были не такими уж и хорошими друзьями.

Сделав глубокий вдох и собрав все свое терпение в кулак, я догнала Ника и, не сказав друг другу больше ни слова, мы добрались до школы. Настроение мое значительно подпортилось. Уже я не думала о том, какой будет встреча с одноклассниками, какими новостями я поделюсь в первую очередь. Не говоря уже о том, что я почти целый месяц не видела свою лучшую подругу Грейс (два дня назад мы с мамой приехали с курорта).

Но как только мы начали подниматься по ступенькам, за нашими спинами послышался радостный клик.

– Кэйли! Кэйли, постой!

Сразу же узнав этот голос, я с широкой улыбкой развернулась.

– Привет! – на меня с объятьями накинулась Кейт, с которой я дружила почти так же хорошо, как и с Грейс. – Я так счастлива видеть тебя здесь! Знаешь, я вообще–то думала, что ты прилетаешь только завтра. Но так даже лучше!

Я искренне обрадовалась такой встрече. И даже была готова расплакаться. А моя подруга была все такой же говорливой – не дала мне еще и слова вставить. Кейт, продолжая что-то говорить, подхватила меня пол локоть и потащила в здание школы. Но, заметив мое торможение, резко остановилась. И только тогда она впервые заметила Ника в моей компании.

– Вот черт! – неожиданно выкрикнула она. – Ник – собственной персоной!

Мне стало немного неловко за Кейт, но она всегда отличалась такой беспардонностью, так что я привыкла. Ник же был также смущен и стал застенчиво улыбаться. Хотя мне кажется, он должен был ожидать бурной реакции на его появление. В дальнейшем ему придется встречаться с таким явлением почти постоянно.

Кейт уже была готова ляпнуть что-нибудь такое, от чего, я уверена (а такое случается довольно часто), ей будет стыдно. Поэтому я решила увести разговор в другое русло.

– А ты уже видела Грейс? – обратилась я к подруге.

Она медленно повернула свое ошарашенное лицо ко мне.

– Нет. Но она прислала sms, в котором говорилось, что она не придет.

– Почему?

– Сказала, объяснит при встрече. Да, и еще она попросила получить за нее расписание.

Мы замолчали, и в воздухе снова почувствовалась неловкость. Тогда я предложила отправиться в актовый зал, и мои друзья послушно последовали за мной. Когда мы вошли, зал был уже почти полный. До начала оставалось примерно минут пять. Я увидела машущих с последнего ряда друзей и поспешила к ним.

Снова последовали восторженные крики, светящиеся улыбки и теплые объятия. Но, как я и предполагала, самым впечатляющим было появление Ника рядом со

мной. Правда, мои друзья не задавали никаких вопросов, а просто радушно его поприветствовали.

Мы уселись и стали следить за развитием событий на сцене. Мероприятие еще не началось, как Кейт неловко обратилась к Нику.

– Слушай, ты меня извини за резкость. Я просто была в шоке…

– Ничего. Все нормально, – перебил ее Ник.

Они обменялись понимающими улыбками, и Кейт оптимистично сказала.

– Ну, тогда добро пожаловать.

Глава 2.

Как всегда в актовом зале учителя рассказывали о том, что выпускники должны забыть про отдых и веселье, должны полностью погрузиться в работу и подготовку к поступлению в университеты и колледжи. Я не особо вслушивалась в их слова и, сидя в кресле, витала в облаках и думала о планах на сегодняшний день. Речь директора длилась примерно двадцать минут, а потом мы отправились в класс. Учитель по литературе раздал список книг, которые нужно подготовить к первому семестру. К обеду я уже бала свободна.

Может сходить в библиотеку? Или навестить отца? Его холодильник наверно давно уже опустел, из-за работы ему даже в магазин некогда сходить. И тут решение возникло само собой: куплю продуктов и приготовлю отцу отменный ужин.

После того, как мои родители развелись (а мне тогда было семь лет), он так и не женился снова. Впрочем, моя мама тоже никого не нашла. Для них это может и плохо, но для меня нет. Какой-то частью своей души я все еще надеюсь на их воссоединение. Кстати, как я ни старалась разузнать у родителей, почему они развелись, ответ был один и тот же: «Не сошлись характерами». Или что-то вроде этого.

Мой отец – Ральф Шелбер – хозяин магазина рыболовных снастей. И мне кажется странным, что причиной разрушения семьи стало несходство интересов и характеров. В принципе, отец человек покладистый и бесконфликтный. Я на него, кстати, очень похожа: доброта и ответственность – самые сильные черты нашего характера. Если говорить о маме и папе как о паре, то они составляли довольно чудной дуэт. Может, они и чудаки в хорошем смысле этого слова (веселые, непредсказуемые, по крайней мере, пока жили вместе, после развода они утратили чуточку беззаботности), но явно подходили друг другу – это подтвердит любой из их друзей.

Мне бы очень хотелось узнать причину развода моих родителей. Мне известно, что они не просто не сошлись характерами, а произошел какой-то инцидент, из-за чего в итоге у меня на шее остался странный шрам. Сначала кажется, что это всего лишь две черные точки, но на самом деле это маленькие завитушки. Иногда они побаливали. Маленькой, я часто спрашивала, что со мной случилось, а родители все откладывали этот разговор до лучших времен, пока совсем не забыли про это. Да и я в свою очередь перестала думать об этом. Но этой весной, когда шрам стал чесаться, я снова вспомнила о своем прошлом. Может в этом году они расскажут мне правду?

Кстати, я – Кэйли Шелбер. Мне семнадцать. Думаю, стоит сказать пару слов о себе. Что касается моего внешнего вида, то многие ребята считают меня привлекательной, и я, наверно, с ними полностью согласна. Но я не задираюсь этим, наоборот, робею, когда говорят о моей красоте. А вниманием я обделена не была.

Если говорить о моих талантах и предпочтениях, то я бы выделила любовь к спорту. Начиная от танцев и волейбола заканчивая конным спортом и туризмом. При этом я усердна в учебе и стремлении все доделывать до конца.

Вечерами я не гуляю с друзьями, а читаю книги. Иногда, в полнолуние, я катаюсь верхом – очень люблю ночь. Когда небо звездное, я отправляюсь на небольшую поляну посреди леса. Особенно привлекает меня это место тем, что прямо в центре растет огромный старый дуб. Могучие ветки создают удобное место, что можно было сидя на них видеть целиком то, что меня окружает. А если мне хочется прилечь, то я устраиваюсь возле больших корней, торчащих из-под земли, и облокачиваюсь на широкий ствол.

Это место стало для меня убежищем от внешнего мира, которое притягивало своей красотой и очарованием волшебства. Очутившись там я, забываю о проблемах, и вообще обо всем. Для меня есть только ночь, свобода и я.

Отогнав от себя приятные воспоминания, я устремилась в супермаркет. Набрав там целую корзину продуктов, я отправилась к отцу. В данный момент его не было дома. Большую часть своего времени он проводит на работе, а возвращается обычно поздно вечером. Поэтому на то, чтобы сделать что-нибудь дома остается не так уж и много времени.

Первым делом я разложила купленные продукты по своим местам – хлеб, масло, сыр и колбаса, пару полуфабрикатов, картофель и индейку. Птицу я обработала и поставила в духовку. Приготовленный ужин будет сделан исключительно по бабушкиным рецептам при особенном добавлении лимонного сока. Потом я помыла гору посуды, скопившуюся возле раковины. Почистила кафель и плиту, протерла полы во всем доме. К счастью, дом у отца был не большой. На первом этаже кухня, прихожая, ванная и гостиная. На втором – две спальни – моя комната, в которой ремонт был последний раз лет семь назад; и папина спальня, но она больше напоминала чулан, в который складывали ненужные вещи. Приходя с работы, отец, смотря телевизор, засыпает на диване. Со временем спальня перестала использоваться в целях сна.

Близился вечер. Ужин был приготовлен, да и уборку я закончила. Сегодня я выложилась по полной, сделав за папу всю его работу. Оставалось лишь ждать его прихода. Немного уставшая, я взяла в прихожей из комода журнал, лежавший тут с моего прошлого прихода к отцу, и удобно устроилась на диване в гостиной. Прочитав несколько страниц, я поняла, что от повторного чтения я не получаю никакого удовольствия. Я пролистала журнал до конца и обратила внимание на кроссворд на предпоследней странице с заголовком « Хорошо ли ты знаешь историю моды».

Я захотела решить его, ведь как настоящая модница, должна была хоть что-нибудь знать о ее возникновении и развитии. Тем более, мне казалось, что это будет не очень сложно, потому что я читала почти каждый выпуск журнала «Elle».

Первый вопрос мне показался совсем легким, для него даже не потребовались какие-то специальные знания: «Как называют специалиста по изготовлению моделей одежды?» – Модельер. А вот вспомнить название описываемой вещи заняло у меня несколько минут. Я мысленно стала перебирать все слова, которые употреблялись на страницах журнала где было размещено изображение этой вещи. «Комбинезон из плотной хлопчатобумажной ткани с нагрудником и лямками». И только благодаря хорошо развитой фотографической памяти (в детстве врачи удивлялись, как я запоминала все мелкие детали картинки, которую они показывали мне в течение пары секунд) я вспомнила этот термин. Эта вещь называется дунгари.

Остальные вопросы казались немного легче. Я знала, что Кристобаль Баленсьяга в 1960 году ввела платье «мешок»; что Джанни Версаче начал свою работу в 1978 году; что Кельвин Кляйн первым сделал джинсы престижной формой одежды; что лайковые перчатки делают из кожи лам…

В итоге я справилась с кроссвордом не больше чем за пятнадцать минут. Часы показывали 18:27. Я решила просто полежать в тишине. Вытянув ноги, я уставилась в потолок. Прикрыла глаза и, не пролежав так и двадцати секунд, встала с дивана. Ну, не удавалось мне лежать без дела!

Взглянув на часы, я вспомнила про индейку в духовке. Я прошла на кухню, приоткрыла печь и, убедившись в том, что птица готова, выключила огонь. Покрошив на блюдо укроп и поставив ее в духовку, чтобы не остыло, я снова пошла в гостиную.

Оглядев комнату в поисках чего-нибудь интересного, я наткнулась на большой стеллаж с книгами. Я провела пальцем по старым книгам, ощущтив на коже время их существования через легкое покалывание, а все прожитое ими будто тонкой нитью воспоминаний влилось в мой разум.

Книги были покрыты толстым слоем пыли, что говорило о папином отношении к чтению. Пробежав глазами по названиям произведений, я остановилась на книге в ветхом переплете. Эта была самой пыльной из всех, даже названия не видно. Я протерла книгу, и сосредоточила взгляд на названии: «Избранные». Мной овладело любопытство, вызванное таким интригующим заголовком. Я уселась в кресло и осмотрела книгу: она была довольно толстая и обшита красным бархатом. Когда я открыла ее, мне в нос ударил запах старой бумаги (так обычно пахнет в библиотеке, но здесь присутствовало что-то еще, что я не могла

распознать). На форзаце единственной надписью была дата, выцарапанная прямо в центре – 1691. Несмотря на то, что книга довольно древняя, она была в отличном состоянии.

Я стала листать дальше: на первой странице красивым почерком было выведено: «для тех, кому было предначертано стать избранным…». Остальные слова я не могла разобрать. Эта часть текста будто попала под дождь, и чернила растеклись на листке большим пятном. Я поняла, что прочитать это невозможно, поэтому перевернула страницу. На папирусной бумаге был рисунок, очаровывающий своей красотой и реальностью: тихая ночь и лунный свет, словно тончайший бархат, окутывал собой мир, а среди этой нетронутой природы находился человек, в небрежной позе облокачивающийся на старое величавое дерево. Фигура молодого человека показалась мне знакомой. Невольно мне на ум пришел образ парня, которого я видела сегодня перед школой.

«Глупости, – сказала я сама себе.– Слишком много времени прошло с момента написания этой книги». Но тут же в голове возникла еще одна безумная идея. «А что если это то, кто подтолкнул меня в пропасть в моем сне?».

И снова удивившись своему ходу мысли, я посмеялась, встряхнула головой и отогнала эти бредовые идеи. Но все же продолжила разглядывать изображение. Я обратила внимание на опущенную голову, свесившиеся и закрывающие лицо волосы, из-за чего не была видно черт лица. Но единственное, что ясно выделялось среди ночного мрака, это улыбка. Бам! В мгновение в моем сознании начали резко вспыхивать, одна за другой, картины из незнакомой мне жизни, как кадры немого кино. А вот людей, что мелькали в моем сознании, я точно знала. Мои мама и папа…

Сильный стук в дверь вернул меня к настоящему. Я резко встала и направилась встречать отца. Мое лицо было такое испуганное что он, увидев меня, бросил свою сумку на пол и устремился ко мне навстречу.

– Кэйли, что случилось? – спросил он с тревогой в голосе, – Кэйли, отвечай немедленно?

Немного помолчав, я придумала ответ на его вопрос.

– Ничего. Просто я заснула и … Дверь сильно хлопнула, я перепугалась, – не очень разборчиво произнесла я.

Папа облегченно вздохнул и присел на краешек старого кресла. Оно вот-вот развалится. Не понимаю, как оно вообще его выдерживает.

– Я рад, что ты зашла. Летом ты редко меня навещала, – от его грустного тона на душе стало не по себе, – Как съездила с мамой в Джорджтаун?

– Хорошо. Бесконечное солнце, пляж, – я даже не знала что рассказать. Наше путешествие было очень однообразное. Каждый день мы ходили на пляж, потом по магазинам, или гуляли в парке. В общем, мы все время отдыхали и ни в чем себе не отказывали.

Пока папа снимал с себя куртку, я тихонько размышляла о необычном происшествии, случившимся со мной до прихода отца.

– Ну что же, пойдем ужинать? – Прервала я молчание.

Папа коротко кивнул, и мы отправились на кухню.

– Как вкусно пахнет, – похвалил он, когда я подала ему тарелку с уже готовой индейкой и легким гарниром из цельного картофеля.

Мы молчаливо сидели за столом и с большим удовольствием поедали индейку. К счастью молчание никогда не смущало нас обоих. Папа ел с таким рвением, что создавалось ощущение, будто он проглатывал пищу не прожевывая. Я съела всего половину от своей порции, а папа в это время уже шел за добавкой. Когда только он доел, его взгляд настойчиво остановился на мне. Секунду спустя я поняла, что значит его выжидающий взгляд.

– Ты иди, я все помою, – улыбнувшись про себя, ответила я.

Он встал.

– Спасибо, – поблагодарил меня отец. Немного помолчав, он спросил, – Ты надолго ко мне?

– Наверно сегодня останусь, а завтра начинаются занятия. Так что рано утром пойду в школу.

Он улыбнулся и пошел в гостиную смотреть телевизор. Помыв посуду, я присоединилась к папе, хотя мне совершенно не хотелось смотреть футбол. Я просто знала, что ему очень приятно, когда я просто нахожусь рядом. Пока мы смотрели телевизор, я думала о тех картинах прошлого, заполнивших мое сознание на пару секунд, но оставивших море сомнений и вопросов. И все же решила, что не буду принимать это в серьез. Может, я действительно задремала сама того не заметив, и это был всего лишь сон.

Но какой-то внутренний голос нашептывал, что просмотреть книгу еще раз стоило. Мне казалось, что в ней было что-то интересное и даже запретное. Также меня привлекала ее древность. Если книга старая, значит она ценная.

После того, как папа заснул на диване, я выключила телевизор и поплелась в спальню. Для начала я позвонила маме, рассказала, как провела день – о Нике, о речи директора, о том, как сходила в супермаркет, и о папе. Потом приняла душ, тщательно почистила зубы, переоделась в пижаму и легла спать.

Я настолько устала, что у меня не было даже сил ни о чем думать, поэтому быстро заснула. Но и тогда меня не покидало ощущение, что все происходящее – не сон.

Картины из другой, незнакомой мне жизни, что потревожили меня в виде вспыхивающих в сознании эпизодов, потревожили и во сне. Только эти были законченными. Я как бы досмотрела фильм до конца.

Я стояла возле огромного дерева. Его широкие ветки заслоняли меня. Сквозь широкие листья я посмотрела на людей стоящих неподалеку. Я узнала свою мать и отца, только они были моложе, лет на десять. Со слезами на глазах отец и мать пожимали руку какому-то молодому человеку…

«Почему они плачут? – невольно возникал вопрос в моей голове. – Этот человек сделал им больно?».

И вот тогда я обратила внимание на мужчину. Он был совсем молод, чуть старше меня. Но главное, он был настолько красив, что заставлял забывать об окружающих и растворяться в этой пьянящей привлекательности и выразительных чертах лица, обрамленного аккуратными локонами черных волос. Он напоминал греческого героя. Но больше всего моим вниманием завладели его глаза необычного оттенка. Сначала они показались мне голубыми, а через секунду глаза уже были серыми.

Но дальше события казались мне совершенно бессмысленными и нереальными.

Все это происходило на озере. Приближался закат. Я все еще находилась во сне и наблюдала за ними со стороны, когда я почувствовала будто начала тонуть. Я ничего не видела перед собой, только темноту… и воду. Много воды. Мне было страшно, хотя и понимала, что все происходящее сейчас не реально.

Через несколько мгновений я открыла глаза и обнаружила, что все это время стояла у того же дерева. Я быстро пришла в себя и резко отодвинула от себя ветку не дающую мне увидеть то, что происходит там с моими родителями.

Но теперь я увидела иную картину. Тот парень был склонен над лежащей на траве мокрой девочкой. Легкими прикосновениями его пальцы обогнули овал ее головы и, остановившись, ногтями впились в нежную кожу на шее. Мне показалось это странным поступком, но сильнее я испугалась за нее, когда он поцеловал ее в шею в место, где текла кровь. Этот «поцелуй» длился довольно долгое время. Я хотела подбежать к нему, остановить и заставить прекратить этот ужас. Но у меня не получилась даже сдвинуться с места. Я была будто прикована к земле.

Наконец красавец выпрямился, с самодовольной улыбнулкой на лице поклонился и исчез, оставив родителей с неподвижным ребенком на земле.

С нарастающей скоростью то, что я видела минуту назад, стало исчезать, ускальзывать от моего взгляда. И когда я открыла глаза, то перед моим взором уже был потолок.

Приподнявшись с кровати, я ощутила острую боль в шее, будто в меня впивались когти. Но эта боль даже не вызывала у меня чувства страдания. Мое тело и разум находились в каком-то блаженстве, кровь во мне бурлила огненным пламенем. Стало жарко. Я сбросила с себя запутавшееся в ногах одеяло и ощутила прохладу осенней ночи.

Придя в себя, я обратила внимание на темноту за окном, и посмотрела на часы, которые показывали половину четвертого. Как бы мне не хотелось спать, я все равно не смогла бы. Мне не хотелось возвращаться в то состояние: мне не хотелось видеть склонившуюся, надо полагать надо мной плачущую мать, не хотела смотреть на обворожительное лицо красивого, но странного парня.

Я встала, приняла холодный душ, чтобы хоть как-то вернуться к реальности, а потом села за стол и открыла книгу, которую начала читать еще вчера. Я помню только первые две страницы, и будильник, разбудивший меня.

Я спустилась на кухню. Папа еще спал, а будить его я не собиралась, пока не приготовлю завтрак. Сделав омлет, я пошла за отцом. Но, зайдя в гостиную, увидела, что он уже проснулся и переоделся в рабочую одежду.

– Доброе утро. Как спалось? – спросил меня папа. Я ответила сразу, даже не задумываясь, потому что он всегда задавал этот вопрос. У меня вошло в привычку отвечать одно и то же.

– Хорошо, – я неуверенно улыбнулась и сказала. – Я приготовила завтрак. Жду тебя на кухне.

По шаркающим шагам я поняла, что папа идет следом. Как всегда за столом присутствовала тишина. Поблагодарив меня, отец пошел на работу. Открыв дверь, он задержался и спросил:

– Когда ты еще навестишь меня?

Немного подумав, я ответила:

– Наверное, через дня два, – я подумала, что если приду сюда как можно скорее, то больше узнаю о той книге. – Пап, не волнуйся, я скоро вернусь. Ты даже не

заметишь, как пролетят эти дни.

– Я очень надеюсь, – его грустная улыбка застала меня врасплох. Я почувствовала свою вину в том, что папа проводит вечера в полном одиночестве. – Пока.

Не произнеся ни слова я, боясь, что расплачусь, если начну говорить, помахала ему рукой.

Глава 3.

В школу я пришла во время. Не успела я зайти в класс, как на меня налетела подруга. Начались жаркие объятия, и повторяющиеся слова: «Как я по тебе соскучилась!». И я в свою очередь искренне отвечала ей и говорила с таким воодушевлением, что сама удивилась своей чувствительности.

Ее зовут Грейс Батфер, мы дружим с первого класса. Она неутомимая рассказчица историй о парнях, об одежде, обо всем, что с ней случается. А я всегда выслушиваю ее и помогаю выпутываться из каверзных ситуаций, в которые Грейс часто попадает.

Вот и сейчас, когда я так хотела рассказать ей про свой летний отдых и узнать о ее приключениях, я заметила на ее лице выражение нетерпения. И я сразу поняла, что этот рассказ не терпит отлагательств.

Глупая улыбка не сходила с лица Грейс. Мне даже интересно стало, кто это так осчастливил мою подругу. Поэтому я, не имея другого выхода, развела руками и сказала:

– Так уж и быть…

– Ты не представляешь, кто к нам приехал, – она даже не позволила мне закончить предложение.

– Стоп! Давай сначала приготовимся к уроку, а потом ты мне все расскажешь, – на одном дыхании произнесла я, чтобы она не смогла перебить меня, и тогда

отвела Грейс за парту. – Ну, вот теперь, выкладывай.

Она широко улыбнулась, набрала в легкие побольше воздуха и начала:

– Помнишь, я как-то рассказывала тебе о том, как мой отец познакомился на конференции в Ванкувере с одним очень умным человеком, который после и пристроил папу на очень хорошую должность в строительной компании. Он иногда приезжает к нам в гости – они с отцом очень сдружились. И вчера он снова приехал, но уже надолго. К сожалению, он отказался пожить у нас и предпочел снять квартиру где-то в центре. Но это далеко не самое интересное…

Я поняла, что она просто испытывает меня, поэтому я наиграно любопытно спросила:

– А что же тогда самое интересное в этой истории?

– С ним приехал его сын. И мне кажется, что он очень привлекательный. Правда, я его ни разу не видела, но женская интуиция меня никогда не подводит. И, еще – он будет учиться в параллельном классе. Интересно, какие уроки будут у нас совместными.

Когда, наконец, она закончила говорить, я с недоумением спросила:

– Я только одного не понимаю – чему ты так радуешься?

– Ну как же, Кэйли. Тут есть несколько весьма удобных факторов – совместная учеба, общение родителей, – пояснила она мне. – А это значит, что я могу с ним…

– Стой! – Перебила я Грейс. – Ты же встречаешься с Тедом?

– Ну, в общем, да. Но это же не помеха. С ним в любой момент можно расстаться.

Я приподняла одну бровь и посмотрела на нее как на дуру.

– Да, признаюсь. Теда я не брошу, – раскаявшись, промычала Грейс. – Но любоваться еще никто не запрещал.

Она хитро улыбнулась и села за соседнюю парту. Сделав вид, что обдумываю сказанное подругой, я уставилась на свои наручные часики, чтобы подсчитать, сколько мне придется времени торчать на этом скучном уроке биологии.

После недолгой паузы, я повернулась к Грейс и сказала:

– Знаешь, подружка, мне кажется, что ты немного помешалась… Тебе надо прекращать быть такой легкомысленной. Тем более, он будет не учителем, но и другом твоего отца. Это подло, не думаешь?

– Возможно, ты и права. Но когда еще можно будет насладиться этой легкомысленной молодостью. – Грейс широко улыбнулась и встала.

Прозвенел звонок и в класс вошел учитель. Весь урок я размышляла о том, что я не встречаюсь с парнями. Я не часто думаю о противоположном поле, в отличие от Грейс. Мне не очень то и хотелось иметь с кем-то отношения. В последний год учебы я стараюсь сосредоточиться на занятиях. Увлекаться парнями и думать о них не самое подходящее время. Но сейчас у меня из головы не выходил тот красавец из сна – когда я думаю о нем, по телу пробегает дрожь желания и, в то же время, страха.

Когда наступило время ленча, я не спеша направилась в столовую. На входе туда меня опередила и задела плечом еще одна красавица школы, воевавшая за звание королевы (еще одна, потому что борьба за титул проходит между несколькими девочками, и Грейс входит в этот список) – Вивьен Мейдер. Она остановилась и резко повернулась ко мне с презрительным выражением на лице:

– Шелбер! Тебя учили смотреть по сторонам?!

Я вообще-то не люблю разборки такого типа, но, какой бы я тихой и смирной не казалась со стороны, такого обращения со мной я не потерплю никогда. У нас с ней редко были столкновения, но после случая на балу в прошлом году, она меня возненавидела.

Это произошло зимой. Меня включили в список номинантов (честно сказать, я даже и не подозревала, что такое возможно). Грейс была рада этому, а вот Вивьен очень недовольна. И самое удивительное то, что меня выбрали

королевой. Мейдер вовсе была в ярости. Я отнеслась к этой победе с безразличием и вежливо принимала поздравления. Как только мы спустились со сцены, Вивьен наговорила мне гадостей, вроде как я не достойна этого титула, я неудачница. А я просто смотрела на нее с бесстрастным выражением на лице. Посчитала, что это было самым разумным (не стоило огорчать проигравшую девушку еще больше – она казалась совсем отчаянной). Но ту моя реакция взбесила еще сильнее, и она вылила на мое платье пунш и при этом сказала: «Упс! Я случайно».

Но этот жест с ее стороны я не оставила безнаказанным. Мое платье было довольно дорогим и очень красивым – оно было сшито из тонкого белого шелкового атласа. «Диор». Платье было очень легким, и при малейшем движении оно трепетало. Оно держалось на мне с помощью тончайших бретелек, расширялось от груди и струилось небольшими складками вдоль тела, чуть сужаясь к низу. Такая форма ничуть не скрывала очертания моей фигуры, а наоборот подчеркивало мягкие изгибы тела.

Я была в ярости, когда увидела красное пятно на белоснежном платье. Вивьен рассмеялась мне в лицо и, развернувшись на каблуках, сделала шаг прочь от меня. Но я не упустила шанса отомстить и наступила на подол ее платья.

Здесь можно было рассчитывать на такое развитие событий, в котором ее юбка с треском оторваласьбы от корсета. Но такое бывает только в кино.

Взамен, Вивьен просто сильно пошатнулась и упала на пол. В итоге, остатки ее пунша оказались и на ее платье. Вокруг стоял такой хохот, что Мейдер покраснела и в истерике выбежала из зала.

После этого дня мы были злейшими врагами. Со своей стороны я никогда не нападала первой, но если она придиралась, то мне приходилось защищаться. Но если честно, то я действительно получала удовольствие от колкостей, которыми мы забрасывали друг друга.

Что происходило и сейчас.

– О, – притворно огорчившись, начала я. – Извини Вивьен. Тебя я как всегда не заметила. Это наверно из-за того, что твой костюм сливается с дверью.

На ее лице отразилась ярость. Я получила от этого некое удовольствие, хотя знала, что она меня просто так не отпустит. Вивьен только открыла свой аккуратный ротик, как подбежали ее две, такие же смазливые, подружки – Бриджит и Рита. Они схватили ее за руки и что-то прошептали на ухо. Та приподняла бровь, коварно улыбнулась и развернулась в противоположную сторону от столовой. Но, прежде чем уйти, Вивьен окинула меня через плечо презрительным взглядом и что-то сказала. Но я ее не услышала, так как уже была за пределами коридора, в котором мы изначально стояли.

В столовой я не задержалась и поэтому пришла в класс, задолго до начала урока. Мои мысли расходились в разных направлениях. Я думала и о родителях, и о книге, и о сне. От этого на душе становилось еще тревожнее. В таких раздумьях прошли все занятия.

После уроков нигде не задерживаясь, отправилась домой. Как только я открыла дверь, на меня налетела мама:

– О! А вот и ты. Я уже соскучилась.

– Привет, мам. – С теплой улыбкой я обняла маму.

– Как прошел день? Что-то случилось? – Не умолкала она.

Я сделала удивленное лицо, чтобы мама ничего не заподозрила:

– С чего ты взяла, что что-то произошло? Как раз наоборот. Все просто прекрасно.

– Ну ладно, тогда я рада. Пойдем на кухню обедать.

С этими словами мы пошли есть. Помыв за собой посуду, я отправилась к себе делать уроки, на что потратила большую часть своего времени.

К вечеру я сделала все задания, проверила почту и даже почитала кое-что из школьной литературы. Я приняла ванну и легла в кровать, надеясь, что быстро засну, ведь прошлая ночь была кошмарной. Как я и предполагала, заснула я быстро. К моему сожалению, мне снился точно такой же сон, как и вчера. Но его

окончание было другим. Я долго пыталась отыскать того молодого человека. Он то появлялся, то исчезал во тьме ночи. Я бегала по лесу, пытаясь найти его, но безуспешно. Когда я проснулась, в моем сознании долго оставалось его лицо: оно было то бесстрастное, то искаженное злобой и ненавистью, но даже таким оставалось прекрасным. Я запомнила каждое очертание несравненного лица. Ясно одно: среди прохожих его я узнала бы сразу.

«Но едва ли такое возможно, – подумала я. – Ведь это всего лишь сон, игра моего воображения». Потом я снова уснула, наслаждаясь образом юноши.

Проснулась я совершенно спокойной, умиротворенной. Мысли не разбегались и не путались от неясности, производимой странными снами и видениями. Таким же прошло все утро. Мама была не много удивлена моим хорошим настроением, но спросила только: «Что тебе снилось?». На что я ответила – ничего.

Но, к сожалению, хорошее настроение длилось не долго. До тех пор пока я не пришла в школу. Все вокруг только и говорили о новом учителе. Почти все мои знакомые видели его, и делали всевозможные предположения по поводу его личности, кроме меня. За то время, что я прошла по площадке, ведущей к входу в здание школы, я уже могла составить подробный портрет этого юноши.

Такое усиленное внимание к его персоне создавало впечатление, что к нам в школу приехал Бред Пит. Это раздражало.

Не желая больше ничего слушать, я пошла в класс, надеясь на то, что хотя бы там останусь вдалеке от школьных сплетен и суматох. Но я ошиблась. В классе меня поджидала Грейс.

– Ты его уже видела? – Спросила у меня подруга, переполненная эмоциями.

– Ну, для начала, привет, – с нескрываемой обидой ответила я. – И потом, я его не видела и НЕ ХОЧУ.

Я произнесла это чуть ли не по слогам, выкрикивая слова ей в лицо. Грейс нахмурилась:

– Ты что-то не в настроении, подруга.

– Просто… Ну почему все говорят о нем? – спросила я запинаясь.

Она улыбнулась:

– Кэйли, ты так раздражительна, потому что тебя бесит быть в неизвестности. Я тебя знаю, ты всегда такая невозмутимая, хотя внутри у тебя все бурлит и кипит. – Грейс выпрямилась, схватила меня за руку и сказала, – Пойдем, сейчас ты все увидишь и поймешь, чем все так взволнованы.

Она потащила меня из класса. Меня это немного разозлило, но сопротивляться не стала – любопытство взяло вверх. Я последовала за ней. Мы подошли к классу физики и остановились. Повернувшись ко мне, Грейс взметнула указательный палец вверх и указательным тоном сказала:

– Так. Сейчас мы зайдем туда и подойдем к Кейт. Поздороваемся и обсудим планы на выходные, а ты в это время оценишь нового учителя. – Она выжидающе посмотрела на меня и завернула в класс.

Я шла следом за подругой, смотря в пол. И почему-то волновалась и горела желанием посмотреть на загадочного мужчину. Я, наконец, поняла, почему с самого начала была так зла. Я просто чуть-чуть завидовала тем, кто его уже видел. Мне всегда говорили, что я очень любопытная девочка, но это любопытство делало меня умней, и никогда не втягивало в скверные ситуации. Я не пользовалась сплетнями, которые распространялись в нашей школе с неимоверной скоростью, пропуская их мимо ушей и лишь делая для себя некоторые выводы. Чужие ошибки многому меня научили: я умею хорошо выкручиваться из ситуации; не говорю лишнего, только по делу; всегда сдерживаю эмоции, и никто не может понять, серьезно ли я говорю или в шутку.

Сейчас я хотела создать вид той деловой дамы, который помогал мне справляться с всеобщим давлением. И так, с гордо поднятой головой, я зашла в помещение вслед за подругой. В классе было шумно. Мы подошли к Кейт и поприветствовали ее. Завязался разговор, но я не обращала на него внимания. Я искала глазами незнакомца. Но, к сожалению, не обнаружила его.

Прозвенел звонок, и мы, разочарованные, отправились в свой класс. Чтобы не опоздать пришлось бежать. Я следовала за Грейс, но немного отстала.

Завернув за угол, я ударилась обо что-то и упала на пол. Но никак не могла понять, во что же я все-таки врезалась? Ведь за углом не было ни шкафов, ни других стен.

От удара об пол в голове помутнело. Не до конца придя в себя, я почувствовала прикосновение руки до моего плеча. Даже через кофту я ощутила как тепло, исходившее от ладони, проникло в меня. Из-за этого мной овладело приятное волнение. Я попыталась очнуться, но приятный аромат цветов и свежести гор, заполнил легкие и не давал разуму проясниться.

Потом я почувствовала, как эти теплые ладони прислонились к моему лицу. Очнувшись, я увидела склоненную надо мной голову. Синие и между тем серые глаза с беспокойством смотрели на меня. Они казались мне знакомыми, но я их не знала.

– Ты в порядке? – спросил довольно приятный мужской голос, действующий на меня словно успокоительное. – Что-нибудь болит?

Я не могла сосредоточиться на словах, наслаждалась пением баритона. Но этот очень красивый парень смотрел на меня с таким беспокойством, что я приподнялась на колени, давая понять, что способна держаться на ногах, и ответила:

– Все… Все нормально. – Лишь смогла вымолвить я.

И тут я впервые разглядела его лицо. Я поняла, почему глаза казались до боли знакомыми. Я видела его. Во сне.

Глава 4.

Я не могла оторвать взгляд от этого прекрасного лица, которое преследовало меня всю прошлую ночь. Я чувствовала странное спокойствие, утопая в его глазах, ведь именно они помогли мне заснуть после кошмара. Но внезапно я четко осознала, что как раз он и играл главную роль в том видении, посеявшим столько вопросов в моем сознании. К своему удивлению, я испугалась, но так и не оторвала от него взгляда.

Наше молчаливое уединение прервала подруга:

– Кэйли, вставай скорее. Мы опоздаем.

Молодой человек подал мне руку и помог встать.

– Тебе пора, Кэйли. – Он кивком показал на Грейс и улыбнулся.

Я не знала, что мне делать. Мне нужно было узнать, почему я видела его в своем, как мне казалось, видении о прошлом. Или это был не он? Хотя это несравненное лицо я запомнила навсегда, и ни с кем бы никогда не спутала.

Все же решиться спросить не могла. Во-первых, я не до конца уверена в своих предположениях о нем. Может я все это выдумала, и он сочтет меня сумасшедшей. Во-вторых, что-то в его образе меня пугало. Да и к тому же времени на разговоры не было. Опаздывать и получать наказание впервые дни занятий не очень то и хотелось. У наших преподавателей сложилась «прекрасная» традиция – опоздавших заставляли убирать кабинеты в конце учебного дня.

В конце концов, я кивком головы поблагодарила его и умчалась вслед за Грейс.

Во время урока, я чувствовала боль в голове от удара об пол и поэтому совершенно не обращала внимания на лекцию учителя. К тому же мысли постоянно возвращались к образу того парня, что послужил мне препятствием на пути в класс. Не давало покоя еще и то, что он был копией моего ночного кошмара.

Чушь!

Если этот сон и был воспоминанием, забытым мной, то никак не может быть, чтобы человек не изменился на протяжении десяти лет. В волшебство я не верю. А другого объяснения не найти.

Иначе говоря, это просто совпадение. Может, эти двое родственники? Но в любом случае, сейчас я ничего знать наверняка не могу. Остается только ждать, когда мы поближе познакомимся и может тогда – может! – я расспрошу парня о

его родных.

Чтобы не забивать свою голову дополнительными вопросами – все еще не ясно, что же произошло десять лет назад – я просто забуду об этом эпизоде и стану простой ученицей этому человеку.

Я пыталась – честно пыталась! – забыть о случившемся в течение двух уроков, но не получалось. Образ симпатичного, да что там говорить, красивого личика так и стоял у меня перед глазами. Могу представить себе, как я выглядела со стороны: сама лежу на полу, волосы растрепались во все стороны, щеки покраснели – то ли от смущения, то ли от небольшой пробежки – и, наверняка, на лице было полное недоумение. Остается надеяться, что он не принял меня за местную чудачку (или что еще хуже – за неудачницу). И главное, чтобы не подумал, что я успела стать его фанаткой, как все остальные девочки в школе, хотя такое мнение вполне возможно, учитывая мою реакцию на встречу с ним.

Лишь к ленчу я смогла немного отвлечься. Во многом это зависело от того, что на уроке английской литературы меня пытал преподаватель. Но я справилась, несмотря на отвлеченность моих мыслей. Так мы оказались в столовой. За нашим столом сидела привычная для всех компания: Кейт и Сара, девочки из группы поддержки; Джастин из школьной футбольной команды, который уже давно пытается построить с Сарой серьезные отношения; и Грейс со своим бойфрендом Тедом. Все обсуждали поездку на «Лунное озеро» в эти выходные. Вылазки компанией закрепились у нас совсем недавно – с прошлого года, но это вошло в традицию: в начале года мы ездили на озеро, в конце семестра – загород на несколько дней, а после окончания школы, на летних каникулах, мы летали в Мелборн, там дом у родителей Кейт. В эти выходные обещали хорошую погоду, поэтому поездка состоится.

Но, как бы мне ни нравились обсуждения по поводу совместного отдыха, я не могла настроить свои мысли на эту тему. Я сидела в стороне от всех трапезничающих так, что между мной и сидящей ближе всех ко мне Грейс, было два свободных стула. Да и напротив меня никого не наблюдалось. Я отсела, потому что смотреть, как мои друзья поедают свой обед, не было никакого удовольствия. Я плохо себя чувствовала, и в данный момент запах еды совершенно не переносила. Заказав себе только чашку чая без сахара, я подумала, что это прибавит мне сил.

Некоторое время я сидела без движения, уставившись в чашку с чаем – эта теплая темная жидкость заставляла меня мысленно раствориться в ней и забыть об окружающих. Пока я была в трансе, мое душевное равновесие пришло в норму, но внезапное покалывание в теле заставило меня очнуться. Ощущение было такое, будто я почувствовала чье-то присутствие, вроде как вторжение в мое личное пространство. Я стала осматривать столовую и увидела его. Того самого парня, который помог мне сегодня встать с пола (да, и кстати, именно из-за него я оказалась там) или того, который приснился мне. В общем, новенького, который не выходил у меня из головы весь сегодняшний день.

Он легкой, грациозной походкой направлялся к свободному столику недалеко от нас. Грейс заметила, что я наблюдала за юношей. Тогда она – я в этом даже не сомневалась – решила взять все в свои руки. Не раздумывая, подруга встала и направилась к нему. Я неотрывно следила за ее действиями. Мне стало жутко интересно, зачем она пошла к этому красавцу. Тот даже не успел присесть, как Грейс уже была возле него и приветливо улыбаясь без умолку о чем-то говорила. В конце концов, она кивком головы показала на наш стол, и, заметив, что я недовольно уставилась на нее, окатила меня пронизывающим взглядом, говорящим: «Для тебя так будет лучше, подружка. Ты еще меня поблагодаришь за это».

Парень быстро посмотрел в нашу сторону и, улыбнувшись своей собеседнице, пошел следом за моей подругой. Они вместе подошли к столу и Грейс, обращаясь ко всем, сказала:

– Познакомьтесь, мой знакомый – Кристиан Уолкер. Думаю, вы не против, если он присоединиться к нам?

Парни смотрели на него с не скрываемой неприязнью, видно из-за того, что девушки были вне себя от счастья. Да, на них явно подействовало его очарование и красота.

– Надеюсь, мое присутствие не причинит вам неудобств, – сказал Кристиан с едва уловимым акцентом (для меня его слова казались песней, так красиво и благородно звучал его голос) и обвел всех дружелюбным взглядом, от которого парни чуть потеплели, и, наконец, посмотрел на меня.

Грейс села на свое прежнее место, а этот Кристиан уселся на стул прямо рядом со мной. Сначала повисла неловкое молчание, но как только наш новый заместитель по физике повернулся ко мне, все вернулись к нынешним разговорам, кроме меня и моего собеседника:

– Как ты себя чувствуешь? Ты упала, сильно ударилась головой и я…

– Я в порядке. – Уверила его я не дав закончить.

Будто переняв на себя беспокойство, которое испытывал Кристиан, я снова испытала странное чувство вмешательства в мой внутренний мир. Я попробовала отгородиться от чужих эмоций, но мне стало еще хуже от его пристального взгляда.

Наконец, оторвав от него глаза, я прислушалась к разговору друзей.

– Я думаю, надо ехать в субботу. – Сказал Тед. – В этот день погода точно будет замечательной. А вот в воскресенье она может испортиться.

– Я с тобой согласна. – Кивнула Кейт. – Но вам придется обойтись без меня. Я не смогу поехать: родители везут меня к бабушке в Ньюпорт. Приеду только в понедельник вечером.

Конечно, такая новость всех огорчила, но решение было принято – в субботу мы выезжает на природу. Я хоть и молчала, потому что мне было плевать на то, когда ехать – срочных дел не имелось – и лишь иногда качала головой в знак согласия, а вот парень-загадка совершенно был не причастен к обсуждению.

Его безучастие прервала Грейс:

– Кристиан, не хочешь съездить с нами?

Я не ожидала такого поворота событий. Да наверно никто на ожидал, потому что лица у сидящих за столом были перекошены от удивления. Я надеялась, что он откажется, ведь по выражению лица окружающих явно можно было догадаться, что мы не рады предложению Грейс. И меня лично не радовало его присутствие. Для меня он оставался загадкой – хотя это мнение было всеобщим – что сыграло

огромную роль в восприятии его личности ко мне. Однако, настораживало еще и то, что он ужасно похож на того, кто является ко мне во снах, а теперь еще это лицо будет преследовать меня в школе. По-моему это ненормально. И к тому же, от него исходили какие-то волны, напоминающие предупреждение об опасности.

Не кажется ли, что у меня разыгралось воображение?

Надо прекратить выдумывать.

– Прошу, называйте меня Крис. И, пожалуй, я соглашусь. Если остальные не против? – Он посмотрел на каждого, выискивая ответ во взгляде. На меня Крис посмотрел в последнюю очередь.

– Да, было бы не плохо. А то Кэйли останется совсем одна, когда те, – Кейт ткнула пальцем на остальных. – Уединяться друг с другом.

Я почувствовала, как щеки залил легкий румянец, хотя это должно было случиться с моими друзьями, все-таки это их уличили в романтике. Но в любом случае, я должна была отреагировать на замечание, относящее также и ко мне, но не знала как. Может, вспылить и поругать Кейт за откровенные намеки.

Нет, не вариант. Слишком…подозрительно?

Или отнестись к этому, как к шутке. Можно даже блеснуть какой-нибудь шуткой по этому поводу.

В конце концов, я сделала вид, что ничего не слышала. Отвернувшись от всех, я уставилась в окно, и стала наблюдать за дождем: смотрела на то, как капли воды стекают с намокших листьев, как дрожит трава от тяжести падающего дождя, как по стеклу быстро сбегали капли… Задумавшись о прекрасном, я забыла об окружающих.

– Кэл! – позвала меня Грейс. – Очнись. С тобой вообще-то разговаривают.

Я быстро подняла голову и посмотрела в устремленные на меня глаза друзей. Изогнув бровь (всегда любила моменты, когда можно это делать) в не понимании, я спросила:

– Я что-то пропустила?

Все дружно с шумом выдохнули и посмеялись надо мной, но не успев напасть на меня с упреками о том, что я витаю в облаках, так как прозвенел звонок. Каждый стал вставать из-за стола, а я просто последовала их примеру. Все начали расходиться: у Кейт и Теда был общий французский; у Грейс английская литература; У Джастина и Сары биология. А вот что делать мне? Я даже расписания своего не помню.

Я покопалась в сумке в поисках расписания на весь семестр. Наконец, я его нашла и увидела, что у меня сейчас европейская история. Подняв голову, я заметила стоявшего рядом Кристиана. Я не сразу поняла, почему он стоит и ждет меня, поэтому уставилась на него с непонимающим выражением лица и спросила:

– Эээ… Ты меня ждешь?

– Да, – ответил он, и уголки его губ приподнялись. – Поторопись. Ты же не хочешь опоздать?

Я восприняла эти слова как наглость. Мы не друзья, для того чтобы вот так вместе ходить на занятия. «Если мы и сидим за одним за одним столом, то это еще ничего не значит, – подумала я. – А то, что он поедет с нами на озеро – всего лишь глупая ошибка Грейс».

В моей душе клокотало беспричинное чувство протеста и ненависти. Я не хотела иметь с этим парнем ничего общего. Даже совместная прогулка по коридорам школы мне не нравилась.

Может, я и не знаю причины такой неприязни к Крису, но мой женский инстинкт подсказывал, что с ним лучше не связываться. Ощущение исходившей от него опасности и тайны отталкивало и будоражило мое воображение.

Со злостью я кинула расписание в сумку и пошла быстрым шагом, опередив Кристиана, который тяжело вздохнул и пошел следом.

Выйдя из столовой, я поняла, что юноши рядом нет, и шагов сзади я тоже не слышала, хотя точно ощущала его присутствие. Нет, правда. Я не сумасшедшая, просто чувствовала…ну что он где-то неподалеку! Будто невидимая ниточка связывала его со мной, которая заставляла постоянно оборачиваться с надеждой, что он идет позади меня (и которая ужасно меня пугала, ведь это полный бред!).

Я подошла к классу, уверенная в том, что займу место первой, но увиденное поставило меня в тупик.

Зайдя в аудиторию, я обнаружила, что на единственной свободной парте сидит он.

Но как Кристиан смог опередить меня?

«Да, я понимаю, что это странно, но ведь у нас в школе не один коридор, – успокаивала я себя секунду спустя, теша разумными объяснениями. – Не стоит паниковать из-за такого пустяка».

Я привела свои мысли в порядок и зашла в класс, молча сев рядом с неотразимым красавцем, сводившим с ума всех девчонок в школе.

Пока наш учитель профессор Херисон объяснял тему урока, мы не проронили ни единого слова. Было довольно странно сидеть с закрытым ртом – в прошлом году, помню, на этот урок я ходила вместе с Кейт. И несмотря на мое увлечение историей (я действительно любила этот урок, особенно когда тема касалась разработке военных действий и их осуществлений, хронологий сражений и т.п.), мы постоянно обсуждали детали того или иного периода, делали всевозможные умозаключения и старались завлечь учителя в самую глубь изучаемого события. Это захватывало. Но не сегодня.

Тема урока никак меня не заинтересовала. В основном профессор касался образования, политического устройства и социальной структуры в XVIII веке. И только последнее оживило во мне интерес. Большое внимание мистер Херисон уделил титулам, их наследованию и получению в различных странах.

Но со временем его речь стала похожа на нравоучения типа, они такие хорошие, уделяли все свое свободное время образованию, усовершенствованию,

стремлению соответствовать положению семьи… и все в таком духе.

Скоро я поняла, что не почерпну из этой лекции ничего полезного и, совсем забыв про неясности и загадки в моей жизни, окунулась в мечтания. Все, чего бы я сейчас хотела, это оказаться в уединенном месте на природе. Я представляла, как на своей любимой лошади, Весте, буду мчаться по лесу, наслаждаясь звуками живой природы. Прохладный ветер снова будет обдувать мое лицо, мышцы по всему телу придут в напряжение, а волосы после пробежки будут торчать во все стороны. Я представила, как буду лежать на своем любимом месте у старого могучего дуба полностью расслабленной, а легкие будут вдыхать запах травы и цветов, растущих на лужайке.

Погрузившись в свои мечтания, я совершенно забыла об уроке, забыла о времени и проблемах, которые обрушились на меня в самом начале учебного года.

Спустя какое-то время сквозь пелену воспоминаний ко мне прорвался безупречный и завораживающий голос, пробудивший меня словно от сна. Владелец этого баритона наклонился к моему лицу так, что его дыхание коснулось моих волос. Его шепот действовал на меня более успокаивающе, чем самые приятные воспоминания:

– Кэйли, открой глаза.

И только сейчас до меня дошло, что я закрыла глаза, сама того не заметив, и любой другой человек мог подумать, что я заснула.

Но это открытие никак на меня не подействовало, пока чья-то рука не коснулась моей ладони. Только тогда я поняла, что рядом со мной сидит Кристиан. Я мгновенно открыла глаза и резко повернулась к нему лицом, чтобы узнать, что ему от меня нужно.

– Чего тебе? – шепотом спросила я.

– Мне – ничего. А вот учителю ты явно понадобилась, – с ехидной улыбкой он кивком головы указал на профессора Херисона.

Я медленно отвернула от него голову и подняла глаза на учителя. Тот в свою очередь пристально смотрел на меня, ожидая ответа. Я растерялась. Очевидно, что я прослушала вопрос, но смотреть на рассерженного историка не хотела. Поэтому я тупо уставилась на парту.

Что вы думаете, я там обнаружила? Листок бумаги с написанным на нем, по-видимому, ответом, которого от меня все ждали. Я вмиг расслабилась, осознав, что спасена от плохой оценки (и это на первом уроке!). Оставалось только прочесть эти слова, тем более, что другого варианта у меня не было.

Поднявшись со стула, я произнесла то, что должна. Учитель задумался и сказал:

– Впредь, мисс Шелбер, будьте внимательны. В следующий раз сосед вам не поможет. Садитесь.

Как только я села, прозвенел звонок. Я почувствовала себя героиней какого-то фильма про непослушных подростков.

Все стали быстро подниматься из-за парт, кроме меня. Меня мучило то, что придется высказать благодарность Кристиану, но во мне боролись противоречивые чувства.

Я переборола свою гордость и повернулась к нему, с целью сказать «спасибо», но моего спасителя уже и след простыл. Быстро свалив учебники в сумку, я торопливо вышла из класса. На моем пути появилась Грейс и с удивленной улыбкой спросила:

– Ну, и из-за чего же на этот раз ты так рассердилась на нашего нового знакомого?

– Ты о чем?

Она изогнула аккуратно выщипанную бровь и сказала:

– Когда Кристиан вышел из класса, на нем лица не было, – она немного помолчала, пристально глядя мне в глаза, и продолжила. – Хочешь сказать, ты здесь не причем?

– Вообще-то нет. Мне просто надо с ним поговорить. Ты не знаешь, куда он пошел?

– Так, это уже интересней. И по какому поводу созрел разговор?

Нет, ну вы не поверите. Я так и знала, что она спросит. От нее ничего не скроешь. С того самого момента, как мы дружим мне всегда приходилось рассказывать ей все то, что я хотела оставить при себе и поэтому приходилось тщательно скрывать свои эмоции. Но Грейс всегда понимала, что действительно творится в моей душе. Она просто умела вытягивать из людей информацию. И у нее это всегда успешно получалось. К счастью, за прошедший год я научилась уходить от темы так, что она забывала о ней и сразу переключалась на другую, более важную для нее самой.

Но в данной ситуации не было никакого смысла скрывать то, что я хотела сделать.

– Ну… он мне помог на уроке. Я всего лишь хотела сказать спасибо. Но он так быстро выбежал, что я просто не успела. Только и всего.

Грейс некоторое время вглядывалась в мое лицо, надеясь выискать в нем правду (наверно, мой рассказ звучал не очень убедительно, хотя это была чистая правда, за исключением моих переживаний по этому поводу) и, наконец, с улыбкой на лице сказала:

– Не волнуйся, к тебе это не имеет никакого отношения. А спросила я тебя об этом только из-за того, что выражение твоего лица напоминало котенка, которого засунули в ванну с водой.

Ого! Даже я не ожидала, что этот эпизод произвел на меня такое впечатление.

– Ладно, расслабься. Просто у Кристиана появились какие-то неотложные дела, – Грейс задумалась и продолжила. – Кажется, к нему приехал знакомый… В общем, я не знаю. Все равно вы сегодня с ним не увидитесь.

– С чего ты взяла?

– С того, что оставшиеся уроки у нас с тобой одинаковые.

– И что с того?

– Блин, – протянула она. – До тебя сегодня что-то туго все доходит. Смотри, у нас с тобой расписание одно и то же, а с Кристианом у меня разное, значит…

– Ты что, знаешь его расписание? – удивленно перебила ее я.

– Ну, да. Так получилось, что вчера в пятом часу я забегала в школу за своим и заодно прихватила и расписание Криса. Не сравнить их было бы просто глупо!

– Ты неисправима!

Мы немного посмеялись и пошли на следующий урок. Я даже чуть отвлеклась от одолевавших меня вопросов. Но скоро они снова одолели мое сознание. Что ни говори, мне от них никуда не деться. В данную секунду больше всего беспокоили мои собственные чувства. Вроде все кончилось нормально, но что-то не давало мне покоя.

Может, чувство вины, за не высказанную благодарность Кристиану? Или все эти противоречия «с ним или против него»? Было так же интересно, куда это он так быстро ушел…

Но, несмотря на ряд связанных между собой странностей, что-то во всем этом было забавное. Я так давно не чувствовала душевных терзаний, что просто соскучилась по ним. Может, так выпускной класс станет чуточку интереснее.

ГЛАВА 5.

Моя гордость никогда не приносила мне вреда, а только помогала легко и невозмутимо вести себя в затруднительных ситуациях, из которых тяжело выходить сухими. Сейчас моя самоуверенность немного поубавилась. Из-за того, что я поняла, каковы на самом деле мои чувства и желания (относительно Кристиана). В моей оборонительной стене, которую я выстраивала долгое время, появилась брешь. Еще с дошкольного времени я была замкнутой. Даже со своей

матерью я никогда не была откровенна. Но когда я подружилась с Грейс, то постепенно чувства стали вырываться наружу, требовали огласки и поддержки со стороны подруги. Со временем я вовсе забыла об осторожности и доверяла ей как сомой себе.

Помню, мне самой претила та замкнутость, поэтому я была нескончаема рада, когда на смену пришла открытость и искренность, но это продолжалось не долго.

В восьмом классе меня мучили ночные кошмары, – преследования трупов, вылезающих из своих могил, погоня за дикими зверями, участие в военных действиях во времена Французской революции (причем, я действительно была уверена, что это была именно Великая французская революция) – и я, конечно, все рассказывала Грейс. Она ссылалась на то, что у меня переходный возраст, так же делали родители, но это меня не успокаивало. Я поделилась с ней своими подозрениями на счет того, что здесь присутствует какая-то мистика, но та заявила, что у меня паранойя.

Но даже такое заявление не обидело меня, потому что я и сама подумывала об этом. На очередной морально тяжелый день после ночного кошмара я пришла к давно напрашивающемуся выводу: я сошла с ума.

Но мнение общества заставило меня отказаться от этой идеи. Моя одноклассница, с которой я почти не общалась, объявила всему классу, что я ненормальная. Эту информацию она подслушала в раздевалке, когда Грейс рассказывала все Саре.

Так сложилась одна черта моего характера: сопротивляться общественному мнению, и доказывать самой себе, что я лучше, чем они думают.

И я даже не обиделась на свою подругу (ее в принципе можно было понять, она беспокоилась обо мне и всего лишь хотела помочь), но с той поры снова замкнулась в себе. Хотя кое-что еще во мне тогда изменилось тоже – обязанность постоять за свою честь. Я не выдержала напора со стороны учеников и хорошо ударила той сплетнице кулаком в нос. Она тогда всем быстро призналась, что соврала на счет меня. До сих пор, когда вспоминаю об этом, постоянно улыбаюсь. Поверить не могу, что я справилась с такой ситуацией с помощью насилия.

Со временем ночные кошмары превратились в приятные сновидения, хотя и странные – балы, пышные платья и кареты. Я продолжала общаться с Грейс, и даже через пару месяцев стала доверять ей некоторые не очень значительные тайны. Этим все и обошлось. А я чувствовала себя ни от кого не зависящей (естественно, кроме как экономически от родителей) и сильной.

Но мое душевное равновесие вновь начинает рушиться. В моей жизни вдруг появляется человек, который, по непонятной мне причине, уже появлялся в моих снах. Что это было? Видение? Воспоминание?

Но это далеко не все… Как бы отвратительно мне это ни казалось, я чувствовала необъяснимую связь с этим человеком. У меня возникло ощущение, что он появился не просто так, и долго будет еще преследовать меня в моей беззаботной жизни, руша все ранее установленные мной распорядки. Это настоящее вторжение в мой мир, в мою душу…

Но так я воспринимала это поначалу. Теперь я была уверена – это то, чего мне постоянно не хватало.

С противоречивыми чувствами я сидела на остальных уроках. На этот раз мне повезло – учителя не задавали мне вопросов, хотя, может, и задавали, я все равно не слышала. Я мысленно отсутствовала.

Первые два урока оказались даже приятными. Во мне бушевал огонь протеста и желания доказать свою независимость. Но через некоторое время я поняла, что доказывать что-то непонятно кому глупо. Я сделала вывод, что лучше вести себя как всегда, иногда одаривать Кристиана приветливой улыбкой, а в остальное время игнорировать. Так будет лучше для меня.

Но сон все еще остается загадкой.

Когда я пришла домой, то сразу отправилась к себе в комнату, даже не проверив дома ли мама. Мне было все равно. Есть не хотелось… Да мне вообще ничего не хотелось! Внезапно мной овладела непонятная злость. Сама того не заметив я сильно хлопнула дверью в мою спальню, так, что с потолка посыпалась штукатурка. Швырнув сумку в угол, я рухнула на кровать.

Сейчас одиночество, которого я все время усердно добивалась, давило на мои нервы. Может мама и была дома, но она не тот человек, с которым мне хотелось бы сейчас поговорить. Почувствовав, что к горлу подступает комок, я замотала головой и закрыла глаза. Все мои действия – поняла я – говорят о том, что у меня начинается, вызванная по непонятным причинам, истерика.

– Возьми себя в руки, – сердито проговорила я себе под нос.

Я оглядела комнату в поисках чего-нибудь занимательного и обнаружила толстую, с закладкой в середине, книгу Джерома Селенджера «Над пропастью во ржи». Просидев над книгой около часа, я поняла, что она не увлекает меня (по крайней мере, в данный момент), хотя в ней чувствуется легкий азарт и веселье.

Но, даже читая ее, я постоянно возвращалась к ранее занимавшим меня мыслям. Что было уже противопоказано мне сейчас. Я нуждаюсь в эмоциональной разгрузке.

Я прошлась по комнате и поняла, что сидеть в четырех стенах совершенно невыносимо. Поэтому, переодевшись в более свободную одежду, я ушла из дома, не сообщив об этом маме. Да и вряд ли она спохватиться меня, если я вернусь не очень поздно.

Я направилась в конюшню. Она находилась недалеко от моего дома, всего через пару улиц. Ей владел знакомый нашей семьи, точнее, друг папы, а после свадьбы и мамы. Но после развода, они забыли про дядю Барта. Отец редко звонит ему. А если это делает Барт и приглашает его куда-нибудь, то у отца находятся отговорки (в основном, это связано с работой). Раньше Барт часто жаловался мне, но со временем свыкся. Я единственная поддерживаю с ним дружеские отношения: помогаю ему ухаживать за лошадьми, а он разрешает приходить к нему в любое время и кататься на Весте.

Через пять минут я уже была на месте. Моя лошадка была, как всегда в своем стоило. Она была белого цвета, но на спине вдоль позвоночника, словно тропинка, были черные пятна. Сначала я расчесала ее длинную гриву, за что она обслюнявила мою щеку. Потом напоила водой, и скормила пару морковок.

Ну, а дальше моя любимая часть. Я повесила ей на спину седло и с легкостью села верхом. Так мы медленно пошли по тропинке в лес. Тогда мое настроение совсем пришло в норму, а на лице появилась улыбка.

Такая обстановка была для меня привычной. Летом я почти каждый день проводила время таким образам, особенно вечером. Тишина, покой и никаких забот, вот что действительно лучше всякого успокоительного. Можно все обдумать, не тревожась о том, что кто-то может побеспокоить. Что и собиралась сделать сейчас – трезво осмыслить ситуацию.

Обычно моя прогулка на лошади представляла собой медленную ходьбу, либо рысь, но в этот раз мне захотелось скорости. Я хотела быть сосредоточенной только на дороге, хотела, чтобы от скачки захватывало дух и в висках стучал бешеный ритм сердца.

Ох! Это было бы просто замечательно.

Но есть одна проблемка – я ни разу не пробовала быструю езду! Ведь в основном я сама училась ездить верхом, ну кроме первых уроков, которые мне показал Барт. Поэтому, каким бы сильным ни было мое желание, я не рискнула, боясь, что не смогу потом остановить кабылу.

Так я продолжила идти рысью. Вокруг меня была привычная атмосфера покоя. Снова тишина. И одиночество, которое было сегодня то желанным, то пугающим.

Я блудила по лесу, забыв про время. Существовали только природа, я и мои мысли, и казалось, ничто уже не может помешать. Увидев луну, я поняла, что уже поздно. Наступившая темнота не смущала меня, но полнолуние наводило некий ужас, хотя и понимала, что боятся нечего.

Еще я знала, мне надо подумать о Кристиане, о том, как он на меня влияет, разобраться в своих чувствах, которых я совершенно не понимала. Или о том человеке, который мне снится.

Но в тоже время, какой смысл думать обо всем этом?! Ведь ответов мне в любом случае не узнать. Вопросы на столько… неуловимые, прозрачные и неконкретные. Плюс ко всему, что-то удерживало меня в данный момент от этих

мыслей.

Поэтому я снова отдалась зову природы, что сыграло плохую роль на мои нервы. Кроме топота копыт моей кабылы, я различала посторонние звуки, и, скажу честно, мне стало страшно. Я, конечно, понимала, что ничего серьезного случиться не должно, но когда я вспоминанию свои сны, то меня одолевают жуткие мысли.

Шорохи усилились. Все мои мышцы напряглись, и были готовы к атаке. Кто-то явно приближался. Резкий хруст сзади… Веста вскочила на дыбы, завизжала и рванула с места. Вот тут я и была застигнута врасплох. Лошадь неслась с такой скоростью, что я еле успевала отворачиваться от веток. Я не знала, как остановить ее. Я пыталась удержать ее с помощью веревки, но она не поддавалась, хорошо, что пока мне удавалось усидеть в седле…

И тогда (как всегда бывает в сказках о принцах) пришел мой спаситель.

Мой взгляд был устремлен вперед и, я совершенно не обращала внимания на то, что происходит позади или вокруг меня. Потом я почувствовала некое волнение и сомнение, не свойственное в данной ситуации (сейчас, во мне было место для только для бешеного адреналина). Снова это вторжение… такое я чувствую, когда нахожусь недалеко от…

Нет! Мне даже думать о нем не хочется. Я тут на грани от смерти или еще чего, а мои последние мысли заняты им. Что бы я ни ощущала, быть не может, чтобы этот парень сейчас оказался здесь. Тем более мои чувства находились в таком хаосе, что мне могло показаться все что угодно.

Веста все бежала и даже не собиралась сбавлять скорость. Боковым зрением я заметила какое-то движение и попыталась покрутить головой, чтобы удостовериться в том, что нахожусь в лесу одна. Но как только я повернулась и чуть ослабила хватку поводьев, лошадь резко остановилась и меня, по закону индукции, отшвырнуло вперед. Это было настолько неожиданно, что я и не заметила, как пролетела над землей (и не важно сколько, но я действительно летела). Я даже не успела сгруппироваться, чтобы удар о землю был не такой болезненный, как оказалась в сильных руках.

Через пару секунд до меня дошло, что я жива, и то, что инстинктивно прижалась к человеку, держащему меня на руках. Я открыла глаза и со страхом взглянула на своего спасителя. Но еще до этого я поняла, кто этот человек. Я моментально почувствовала его запах, и сразу узнала, кому он принадлежит. Мне случалось сегодня натыкаться на него пару раз в школе.

Мои предположения подтвердились. Признаюсь, что самая неразумная часть моей души просто ликовала от счастья, ведь я чуть-чуть мечтала о том, чтобы моим героем оказался Кристиан. Но на самом деле это только усугубляло мою и без того шаткую позицию к этому красавцу.

Я смотрела на него и не верила своим глазам. На моем лице отражалась смесь удивления и восхищения. Он же был абсолютно спокоен, будто он не спас ни кому жизнь, а я не весила ни фунта. Крис аккуратно держал меня на вытянутых руках, будто боялся, что я могу рассыпаться и старался не касаться меня своим телом (и очень жаль, потому что я бы с удовольствием прижалась к его сильному, накаченному, во всей видимости, телу). Как бы он не отстранялся, я все равно почувствовала, на сколько твердо его тело, и как напряглись мышцы на спине, ведь я, как только он меня поймал, обхватила его шею руками. Очень маленькое расстояние между нашими лицами никак не повлияло на мой пульс, который должен биться с бешеной скоростью, как это было в прошлый раз. Сейчас же я чувствовала необыкновенное спокойствие, а его теплый взгляд, обволакивая меня с головы до пят, заставлял таять и быть послушной. Необъяснимое тепло разлилось в моей крови при одном взгляде на его чувственные губы, а страстный огонь пронзил все тело.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Кристиан, голос которого казался мне музыкой.

– Нормально, – удивительно, но мой голос даже не дрожал в отличие от моего тела, а наоборот звучал уверено и немного дразнящее.

Не знаю, сколько времени прошло, пока мы стояли так посреди леса в сумерках. Может час, два или вовсе пару секунд, но для меня время остановилось и потеряло всякий смысл. Есть только мы, а все, что происходило вокруг и во всем мире, было сейчас незначительным. Мы просто смотрели друг на друга. Его синие глаза словно загипнотизировали меня, я не могла даже пошевелиться, я утонула в нем.

Но внезапное прозрение возмутило меня. Я не понимала, с каких это пор меня к нему тянет? Могу сказать точно – мне это определенно не нравиться. Или нравиться? Ох… Я запуталась. Чтобы решить эту душевную проблему, надо все взвесить. С одной стороны, мне доставляет удовольствие смотреть на Кристиана, сливаться в единое целое, как это происходит в данный момент. А с другой – я не хочу вообще кем-то увлекаться (тем более им, уж больно он мутный). Но я чувствую отдачу от него, вроде как взаимность. Это как бальзам на душу. И еще эта… (даже не знаю, как назвать) когда я чувствую его присутствие. Какая-то невидимая связь.

Я так и не поняла, что лучше: отстраняться от него или наоборот сближаться с ним. Но, так или иначе, я приняла решение. Я не буду ничего предпринимать. Пусть все идет своим чередом. Если я ему нужна, то и он мне. А если нет. Ну, как гласит старая русская пословица – на нет и суда нет. Главное не показывать свои чувства. И еще, нужно как-то вырваться из его объятий, пока я не натворила чего-нибудь непристойного, но очень заманчивого.

Я закрыла глаза, чтобы высвободиться от его притягательного взгляда, и тяжело вздохнула. Потом сердито посмотрела на Кристиана и медленно произнесла:

– Может, ты все-таки опустишь меня на землю, я уже ног не чувствую.

Он приподнял бровь и ответил, не скрывая сарказма:

– Уверена?

Нет! Но вы только посмотрите на этого самовлюбленного хама. Он еще спрашивает! Меня это просто вывело из себя. Я хотела растоптать его, хотела найти его уязвимое место, и сильно ударить по его самоуверенности.

Но, снова окунувшись в океан его голубых (по крайней мере, сейчас они были именно такого цвета, напоминающие небо в летний жаркий день) глаз, я поняла, что злюсь вовсе не на него, а на саму себя. Мне было противно, что я так легко поддалась его обаянию, тогда как решила, что буду стараться игнорировать его.

Я собрала всю свою уверенность и гордо выдавила из себя следующие слова:

– Почему ты спрашиваешь? Неужели не тяжело держать на себе такую ношу как я?

Я удивилась тому, на сколько твердо и надменно звучал мой голос. И еще, для того чтобы добавить огоньку нашему разговору, я прищурила глаза, будто он в чем-то провинился, а я пыталась вытащить из него правду.

– Вас, мисс, я готов носить на руках столько, сколько потребуется.

Смесь благородства и фамильярности с сочетанием его голоса, который звучал сейчас слегка хрипло, вызвал во мне приятную дрожь. Но я быстро взяла себя в руки, потому что поняла – он ждал от меня именно такой реакции.

– Не стоит, – как можно серьезнее возразила я. – Я в состоянии идти сама.

Я начала слабо выворачиваться из его рук. Кристиан почувствовал это и опустил меня на землю, но при этом слегка ухмыляясь. Но до конца так и не отпустил, сжимая мое запястье в своей сильной руке. Впрочем, это только помогло мне, потому что как только мои ноги коснулись земли, меня настигло легкое головокружение. И это не удивительно, учитывая то, что произошло со мной в последние несколько минут. Кстати, который час? Судя по тому, что вокруг уже темнеет, а на небе начали светиться редкие звезды, было уже больше десяти часов.

«Надо поспешить, – подумала я. – Мама будет волноваться».

Сначала я придирчиво осмотрела себя, затем Кристиана. Но лучше бы я этого не делала, потому что, сравнивая себя с ним, начинаю чувствовать себя ничтожеством. Он был нереально красив и опрятно одет: черная рубашка, судя по крою довольно дорогая, верхние пуговицы которой были расстегнуты, чуть обнажала его мускулистую грудь (признаюсь, мне этот вид очень понравился); и брендовые джинсы, слегка зауженные к низу, обтягивали его бедра. В общем, он выглядел как с обложки глянцевого журнала.

– Знаешь, ездить одной на лошади в лесу не очень разумно с твоей стороны. Это небезопасно, – тоном учителя прервал мои размышления Кристиан. – Coup de t?te.

Я заметила то, что последние слова, произнесенные им, были на другом языке, но не стала углубляться в это. И я не стала обращать внимание на попытки проявления его вежливости и заботы, тем более проявленные совершенно в не подходящий момент. Его рука соскользнула с моего запястья, и он накрыл ею мою ладонь. Как только наши руки соприкоснулась, у меня опять возникли эти… вспышки прошлого.

Снова картины были не четкими и не имели никакого смысла. Сначала образ маленькой девочки, очень похожей на меня, примерно пяти лет. Потом она, или я начала тонуть. Кругом вода. Я ничего не видела кроме толщи темной, холодной воды. Дышать стало тяжело.

«Я задыхаюсь! – Хотела закричать я, но через несколько секунд поняла, что сделать это у меня не получиться. – Нет, это не происходит в реальности…»

Я отпрянула от руки Кристиана и выпрямилась, будто ничего не произошло. Собралась с мыслями и спросила:

– Случайно не знаешь, где моя лошадь?

На самом деле я задала этот вопрос риторически, чтобы отвлечься и чтобы он не заметил во мне ужаса, в котором я сейчас прибывала. Я знала, что если посмотрю ему в глаза, то он с легкостью сможет прочесть в них страх, поэтому я старалась не смотреть на него и стала отряхиваться от прилипшей к штанам грязи, и к моей самой любимой и удобной кофточке, приятного песочного цвета, на пуговицах.

Когда я выходила из дома, погода была как раз для нее. Был приятный осенний вечер: дул легкий ветерок, едва покачивая деревья; небо было изредка затянуто облаками, сквозь которое проникали красные лучи заката. В общем, настоящая идиллия для прогулки на лошади.

Внезапный коснувшийся моей правой руки ветерок меня смутил, так как в этом дуновении присутствовал аромат – его аромат. Он мне очень нравился и слегка возбуждал… Но внезапно меня осенило, что Кристиан может в любой момент уйти, и это взволновало меня. Действительно, зачем ему возиться со мной? Он мог с чистой совестью оставить меня здесь в лесу одну.

Я подняла голову, в надежде, что мои догадки неверны. И, скрывая свою радость, обнаружила его облокотившимся локтем на ствол дерева. Я пристально посмотрела ему в глаза и почувствовала дежавю.

Кристиан такой загадочный и скрытный, что казалось, только глаза могут сказать о его чувствах. Но и они не оставляли надежды на искренность, но я надеялась заметить в них хоть капельку неловкости, или смущения, или еще чего-нибудь, что помогло бы мне открыть все его тайны… но, к сожалению, и сейчас выражение его лица было непробиваемым.

Он заговорил, от чего я (уж больно неожиданно Кристиан прервал тишину) встрепенулась:

– Я знаю, где сейчас находится твоя лошадь.

Я просто поражаюсь его невозмутимой манере общения. Он сказал это таким тоном, будто это не имело никакой значимости и являлось очевидным. Я глубоко вздохнула, успокаивая себя, и безразлично сказала то, что он, скорее всего от меня ждал:

– Хорошо, что мне не придется ее долго искать. Так я быстрее доберусь до дома.

Я многозначительно на него посмотрела, думая, что он отведет меня к ней, но Крис продолжал стоять, оглядывая меня с головы до ног со свойственной ему непринужденностью.

– Так, где она?– нетерпеливо спросила я.

– Она совсем не далеко, привязана к дереву, – он подошел ко мне в плотную, протянул руку и почти шепотом промолвил. – Я провожу тебя, чтобы ты снова не попала в какую-нибудь нелепую ситуацию.

Я была шокирована его очарованием и сладким голосом, от которого ноги стали ватными, разум помутнел, а в голове и вовсе появлялись романтические мысли. Я долго смотрела на протянутую им руку и не могла решиться на то, чтобы отдаться его воле. Сейчас это как раз так и выглядело со стороны, ведь он мог сделать со мной что угодно и увести куда угодно, тем более я его совсем не

знаю, не знаю, чего от него ожидать.

Осознав, что другого выбора у меня не было, я накрыла его руку своей (хотя в принципе я могла бы пойти следом, или рядом, не держась при этом за руки, но когда я подумала о соприкосновении наших ладоней, то у меня засосало под ложечкой).

Моя реакция на это была именно такой, какой я ее представляла: по телу пробежала дрожь, но не от страха, а от удовольствия; в животе запорхали бабочки, а ноги совсем перестали меня слушаться. Я не могла сдвинуться с места. При прикосновении его теплых рук мое тело будто бы пронзили миллионы маленьких иголочек…

Наслаждение длилось не долго, всего несколько секунд. Потом Кристиан просто пошел по направлению к дому, потянув меня за собой. Как всегда мужчины бесчувственны и черствы. От этих парней не дождешься романтики, пока не возьмешь все в свои руки.

Я не успевала за его быстрым шагом, а отпустить его не могла – он так сильно сжал мою руку, что на ней стали проявляться белые пятна. Как бы я не двигала пальцами и не выворачивала ладонь, на него это не действовало, это все равно, что бить кулаком о толстую бетонную стену – больно, но все равно без толку.

Через пару минут я увидела свою лошадь. Веста спокойно жевала траву, и она была привязана. Как это могло произойти?! Она же не могла сама себя привязать? Нет! Это невозможно! Я с силой зажмурила глаза, думая, что, может быть, у меня галлюцинации от пережитого шока. Но когда я открыла их, то снова увидела туже самую картину. Что-то здесь не так, и меня это жутко рассердило. У меня было предчувствие, что со всем этим непосредственно связан Кристиан.

– Садись на лошадь, и я провожу тебя до дома, – нарушил он затянувшуюся тишину.

Я уставилась на него сердитым взглядом и спросила:

– Кто привязал ее к дереву?

Я была уверена, что он не сможет ответить, ведь все это время он находился со мной, но все-таки спросила. И вопреки всем моим ожиданиям он со всей ему присущей серьезностью ответил:

– Я, конечно.

Крис поставил меня в тупик, и я спросила первое, что пришло мне в голову.

– И как ты мог это сделать?

Но по его решительному взгляду я поняла, что он не собирается отвечать, и тогда я помотала головой не в силах спорить. Я слишком устала.

Все время, пока я возилась с лошадью (вынимала ветки из ее гривы, правильно устанавливала седло), он стоял в нескольких метрах от меня, наклонив голову так, что черты лица скрывала тень. Тогда-то я все и поняла: он напомнил мне того самого незнакомца, который стоял в тени деревьев в первый школьный день и привлек мое внимание. Фигура, этот скрытый взгляд, эти волосы, спадавшие на лицо – все указывало на сходство.

– Так это был ты?

Сначала показалось, что я застала его врасплох. Но через секунду он ухмыльнулся, пробормотал себе поднос что-то на французском языке, а когда поднял на меня свои глаза, его взгляд снова стал непроницаемым. В таком духе, вроде как все очевидно, но для меня нужно специально объясняться, он сказал:

– Когда именно?

Эти слова меня насторожили. Получается, что Кристиан не раз появлялся в моей жизни. Я пристально посмотрела на него, он же в ответ прищурил глаза, будто пытался выяснить, о чем именно я размышляю. Но этот взгляд показался мне угрожающим, будто предупреждающим. Может мне не надо пока что-либо понимать?

Мне стало страшно, впервые в его присутствии. Но еще больше меня пугали свои собственные чувства – странной борьбы и необходимости сопротивляться своим

инстинктам, желанию и любопытству. Но до конца я так и не поняла, что конкретно меня обуревает. В любом случае, сейчас не самое лучшее время для анализа моего состояния, поэтому мне пришлось подавить все свои переживания и снова вернуться в реальность.

Я снова обратила внимание на Кристиана. Иногда он казался мне таким знакомым, но сейчас я убедилась в том, что совершенно его не знаю, не знаю, чего от него ждать, особенно учитывая данную ситуацию. Но даже со всеми этими сомнениями я позволила себе довериться ему. Что-то подсказывало, он не сделает ничего плохого.

Эти мысли подоткнули меня на следующие слова. Я вовсе не планировала это говорить, но неразборчивые слова вылетали сами собой, а голос был каким-то приглушенным и отчужденным. Будто все произносил кто-то другой, потому что я говорила с такой уверенностью, что даже удивилась про себя, ведь мои мысли только что находились в полном хаосе. Но в глубине души я понимала, что это похоже на паранойю, и мои выводы не являлись такими вескими, чтобы их предъявлять.

– Ты приходил в школу в первый день учебы, но так в нее и не зашел, ведь так? – я замолчала, правильно подбирая слова, и продолжила. – Зачем ты приходил? Зачем… ты вообще приехал в этот город?

Дальше последовала неловкая пауза. Я ждала ответа. А Кристиан просто стоял. Стоял и молчал, гипнотизируя меня своими прекрасными глазами. На миг мне показалась будто они стали черными, но я быстро убедилась в обратном. Они обрели свой обычный цвет. Синие как море глаза притягивали меня к себе, и я поддавалась этому манящему взгляду. Если бы не вопрос, звучавший у меня в голове, то я бы подошла к нему, вновь заглянула в эти бездонные глаза, прильнула так, что… Стоп!

Я отвернулась, чтобы снова не поддаться соблазну, и решила прервать тишину (хотя это должен был сделать Кристиан). Я уже было открыла рот, но сказать так ничего и не успела, он почти шепотом сказал:

– По делу.

Меня этот ответ не устроил. Я ждала конкретных фактов, которые бы меня (как я на это надеялась!) не касались. Но раз он сразу не ответил, значит пытаться и дальше что-то выяснять нет смысла. Может, спросить, зачем он следит за мной? Но с другой стороны, это все простые совпадения. Сейчас он, как и я, просто прогуливался по лесу, наслаждался тишиной и случайно наткнулся на меня в тот момент, когда мне грозила опасность. Или тогда в школе. Кристиан скорее всего зашел посмотреть школу, в которой он будет учиться. Наверно, он не хотел светиться, обращать на себя внимание, поэтому и затаился под деревьями. Тогда-то мы и встретились глазами.

Объективно проанализировав череду совпадений, я убедилась в своей излишней подозрительности. Я явно переборщила. Но вовремя спохватилась. Но все равно я буду приглядывать за этим юношей, тот факт, что он связан с моими снами не исключает того, что он что-то скрывает.

Но тут на меня снизошел еще один вопрос, который показался уместным и довольно деликатным.

– Как ты оказался в лесу в такое время, ведь от жилого района довольно далеко?

Кристиан снова молчал. И тогда я поняла насколько устала. Чувства по поводу переживаний, которые давят на меня с начала сегодняшнего дня, готовы были вырваться наружу. Создается впечатление, будто ему совершенно наплевать на то, что я сейчас говорю.

Но когда я пригляделась к нему, то заметила, как он прерывисто дышит. Значит, ему не все равно. Может, он стоит перед тяжелым выбором: что стоит говорить мне, а что нет.

Так, с какой это стати я его оправдываю?!

Да и ответ на вопрос вроде бы легкий, типа: «я приехал на машине» или «мы с друзьями были там-то…». И все в таком роде.

Я явно теряю хватку. Или просто очень устала, раз даже защищаю его от себя самой.

«А может, я просто боюсь услышать правду?» – вдруг подумала я.

– Кэйли, – начал он, медленно подходя ко мне. – Я не причиню тебе вреда. Но я не вправе сказать тебе все прямо сейчас. Придет время, и ты сама все узнаешь.

Что-что, а такого ответа я не ожидала. Я бы не стала верить такому глупому объяснению (эти слова похоже, скорее, на реплики из какого-нибудь кино про загадочного мужчину, который покидает тебя среди ночи и оставляет записку с неясными объяснениями), если бы не его серьезный тон и отсутствие улыбки на лице. Поэтому я не стала спорить, знала же, что ничего все равно не добьюсь. Еще я очень устала, и у меня не было сил противостоять ему.

«Эти загадки уже стали мне надоедать… » – хотела сказать я, но промолчала.

Настроение у меня окончательно упало, хотя его появление поначалу немного воодушевляло, да и силы тоже на исходе. Поэтому я молча подошла к Весте и также молча на нее залезла. Я посмотрела на Кристиана, который стоял неподалеку, засунув руки в карманы, и подошла к нему уже на лошади.

– Спасибо за помощь, – безразличным тоном сказала я. – Дальше я справлюсь сама.

– Ты дорогу знаешь? – спросил он с чем-то похожим на улыбку лицом.

– Да, конечно.

Я натянула поводья, стукнула ботинками для верховой езды по бокам кобылы и она двинулась. Чуть проскакав, я услышала произнесенные приятным голосом слова, прозвучавшие, будто у меня в голове: «Спокойной ночи. Будь осторожна».

Широко улыбнувшись и даже немного смутившись, я помчалась еще быстрее, и уже через пятнадцать минут была дома.

Как только я зашла в дом (а было уже немного за одиннадцать) ко мне подбежала мама и начала плаксивым голосом расспрашивать:

– Мы так волновались. В комнате тебя не было, а сумка лежала на кровати, хотя я даже не слышала, как ты пришла со школы. И мы не знали, куда ты пошла…

– Мам, успокойся. Все хорошо. Я ездила верхом, – я старалась говорить спокойно, хотя мое сердце все еще пребывало в неровном биении из-за случившегося в лесу. – Помнишь, я говорила, что хожу в конюшню к дяде Барту.

– К Барту… понятно. Ну, и как он?

Я уже хотела упрекнуть ее в том, что она давно его не проведывала, хотя с работы приезжает рано и времени заглянуть к старому другу много, но я заметила одну не схожесть с моими представлениями в мамином рассказе:

– Подожди минутку. Ты сказала «мы так волновались…». Кто это – мы?

– Ммм… – начала она шепотом. – Я звонила твоему отцу. Думала ты у него, хотя обычно ты предупреждаешь меня. Вот он и приехал.

– Так он сейчас здесь?

– Да.

Я не знала, как реагировать. Я была рада тому, что родители провели вместе некоторое время. Последний раз они виделись у директора в школе. Это было в пятом классе. Я в гневе на родителей (они как раз разводились) закатила на уроке литературы истерику. Нам задавли выучить стихотворение на выбор (автор). я выбрала (?), а суть была в горе и несчастной жизни. После прочтения я разревелась. Профессор Лэкварт (она вела и ведет до сих пор этот предмет) начала допрашивать, что же со мной произошло, а я вместо того, чтобы успокоить ее, накричала. Она очень расстроилась из-за моего поведения, так как я была одной из лучших учениц, и вызвала моих родителей к директору. К счастью этим все и обошлось.

Я решила не заострять внимания на папином присутствии и непринужденно прошла в дом, мама же неуверенно плелась сзади.

Когда я зашла в гостиную, отец смотрел телевизор (шел футбол, хотя странно, мама не терпит эту игру, из-за чего раньше они часто ругались), но заметив меня, он встал:

– Вернулась. Это хорошо. Надеюсь, ничего не произошло?

– Нет. Со мной все в порядке. Я ездила верхом.

Затянулось неловкое молчание, при котором все стояли на своих местах и неловко крутили головой. Я взяла ситуацию в свои руки:

– Я, пожалуй, пойду к себе. Устала очень.

– Да, конечно, – воскликнула мама.

– Тогда пока, Кэйли, – Ральф подошел ко мне и обнял. – Когда ты навестишь своего отца в следующий раз?

– На следующей неделе обязательно. Я тебе позвоню.

Но, сделав несколько шагов в противоположную сторону от родителей, я обернулась и сердито настояла на следующем:

– И пожалуйста, если я где-то задержалась, не надо поднимать панику. Я способна…предпринимать что-либо сама. Я не маленькая девочка.

Посмотрев на лица родителей, в которых читалось смятение и неловкость, может даже неуверенность, я медленно, с гордо поднятой головой развернулась и пошла в свою спальню, оставив их вдвоем. Когда я тихо поднималась по лестнице, то услышала обрывки их разговора: «Это еще не началось…», «Ты ее осматривала…».

Я не хотела подслушивать, честно, но согласитесь, когда слышишь такое невольно останавливаешься! Но было уже поздно – разговор прекратился, и папа пошел домой.

Я приняла душ, но даже он не смог отвлечь меня от странных мыслей. А потом долго осматривала себя в зеркале, ведь именно это должна была сделать мама, по словам папы. Я не заметила на теле никаких изменений, кроме того, что сильно похудела, сама того не желая, потому что моя фигура и без того была практически идеальна. Но когда я, не надеясь что-либо обнаружить, перекинула мокрые волосы на одну сторону, чтобы причесаться, то заметила это.

Я не могла поверить в то, что видела. Я дотрагивалась снова и снова, тщетно пытаясь стереть рисунок. А потом просто смотрела, пытаясь найти этому разумное объяснение.

Две маленькие черточки, шрамы, что были с детства, начали приобретать другую форму. От каждой, навстречу друг другу, тянулись переплетения похожие на стебли винограда, и воссоединялись. Но это все, хотя мне казалось будто это еще не конец. Это незаконченная картинка, так я думаю. С первого взгляда можно подумать, что это татуировка, но нет. Это было что-то ужасное. А ужасное, потому что шрам был красного, как кровь цвета. Я остолбенела от страха, и мне стало тяжело дышать.

Я резко отвернулась от зеркала. Испугалась, что не смогу контролировать свои эмоции, если буду еще убеждаться в своей ненормальности. И главное – нельзя, чтобы мама знала что, как они сказали, это уже началось.

Я быстро легла в кровать и укуталась в одеяло. Уткнувшись лицом в подушку, я старалась успокоиться и все обдумать. Первое, что пришло мне в голову это то, что со мной что-то происходит, а родители будто знают о том, что что-то должно непременно случиться. Но, с другой стороны, может все будет в порядке и их опасения бессмысленны. Я чувствую себя хорошо, припадками не страдаю – это уже замечательно.

Хотя меня раздирает любопытство узнать, что должно со мной произойти. Мои родители могли бы мне объяснить, но еще рано. Невольно вспомнились слова Кристиана: «Придет время, и ты сама все узнаешь».

И я обязательно все узнаю, только немного подожду. Может, во время поездки Кристиан будет более разговорчивым. И тогда я смогу спросить родителей. «Завтра я спокойно пойду в школу, – говорила я себе. – Будто ничего не произошло…»

С таким настроением я легла спать, стараясь не думать больше ни о чем. Так и было, за исключением одного. Мои мысли были поглощены не сколько собой, сколько Кристианом. Меня вновь охватывало чувство, вызванное этой неожиданной встречей. Я заметила, что его присутствие всегда вызывает легкое возбуждение. Еще меня мучила его загадочность, и то, что слишком много совпадений на его счет. Я могла бы долго рассуждать над его странностями (хотя у самой их теперь не меньше), но я очень устала и мгновенно заснула.

Но и тогда меня не покидал этот загадочный красавец. На протяжении всего сна он был рядом и больше никого. Мне приснилась школа. Но она была пустая. Я бродила по пустым коридорам, заходила почти в каждую дверь, кричала, звала кого-нибудь, но мне отвечало только эхо. И всякий раз, когда и до того тусклый свет потухал, я с силой прижималась к стене. Я слышала лишь собственное дыхание и, не двигаясь, ждала, когда свет снова включится. Но в темноте я чувствовала, как кто-то ходил возле меня, иногда чуть прикасаясь к моим рукам или волосам, я слышала, как этот кто-то вдыхал мой запах и убегал. И сейчас, после нескольких минут проведенных так в темноте, зажегся свет. Тогда я побежала, пытаясь найти выход. Но когда я наконец его нашла, после долгого кружения в стенах школы, от чего даже голова кружилась, я не смогла подойти к нему.

Путь был перекрыт Кристианом. Казалось, я должна была обрадоваться присутствию живого человека, тем более его. Но нет. Мне стало еще страшнее. Потому что это уже был не тот Кристин, который обычно помогал мне в обычной жизни. Его тело было напряжено, глаза светились красным, кровавым цветом. Но он был совершенно спокоен и владел собой. Я не могла сдвинуться с места, будто приросла к полу. Тогда он шагнул мне навстречу. И вот он уже рядом, обнял за талию, наклонился к лицу, когда меня коснулся сладостный аромат его дыхания. Во мне пробежала дрожь желания и страха. Потом Кристиан прижал меня к себе и прошептал на ухо:

– Помнишь меня?

Эти слова отразились на мне так, словно меня ударило током, от чего я и проснулась. За эту ночь мне больше ничего не снилось, но даже когда я поднялась следующим утром, меня не покидали мысли о нем.

ГЛАВА 6.

После такой ночи не удивительно то, что я такая рассеянная. Утро казалось мне невыносимо долгим и нескончаемым. В ванне я провела не более десяти минут, но мне показалось много больше. Заглянув в шкаф, я поняла, что настроение для выбора одежды не самое хорошее. Поэтому я взяла первое, что попалось под руку (а такое бывает крайне редко, ведь по сравнению с макияжем, гардероб для меня был первоочередной вещью – наряды я подбирала со вкусом и с расстановкой), а выходя из комнаты, даже не посмотрела в зеркало.

Когда я спустилась на первый этаж, меня встретила мама с радостной улыбкой на лице:

– Доброе утро, Кэйли.

– Привет, – мой ответ звучал удручающе (немного севший голос и безразличный тон сыграли свою роль).

Многообещающее начало.

– Что случилось? – встревожено спросила мама. – На тебе лица нет…

Я подумала, что не надо волновать ее лишний раз, и вложила в свой ответ всю решительность, которая имелась на данный момент, и даже немного улыбнулась (хотя глаза выдавали меня, но с этим я ничего поделать не смогла):

– Я просто не выспалась и… Мам, завтрак готов?

Так я и сменила тему. Элизабет, что с нее взять. Она всегда была доверчивой и наивной, всегда верила в то, что я ей говорю. Конечно же, я никогда не врала и не пользовалась этим. Просто старалась скрывать свои истинные чувства от нее. Вот как, например, сейчас. Я чувствовала себя совершенно подавленной морально, а она думает, что это просто недомогание из-за бессонницы.

Даже когда я первый раз привела парня к себе домой (это было полгода назад, причем первый и последний раз), я, конечно, рассказала, что произошло на самом деле, хотя испытывала ужасную неловкость. Моего бывшего парня звали

Райан. Мы встречались около четырех месяцев, и тогда я решилась переспать с ним, хотя он на меня не сильно давил по этому поводу, но часто упоминал про него. Короче, я пригласила Райана к себе, и когда я разделась, быстро передумала. Понимаю, звучит глупо, но я поняла, что он не тот, которого я бы хотела не только физически (в чем как раз и была проблема, потому что очень хотела), но и морально. Да, Райан был парень что надо. Был популярен в школе, имел авторитет и играл в первом составе школьной футбольной команды.

Но это не для меня. Это я поняла тогда, когда он начал лапать и облизывать меня (в тот момент меня чуть не вывернуло наизнанку). Я приостановила его, на что он ответил: «Детка, не бойся. Я все сделаю сам. Тебе нужно всего-навсего быть послушной девочкой. Расслабься и получай удовольствие».

Я поняла, что выбор стоит не из легких. Либо я потеряю парня, который мне нравиться и стану поводом для разговоров о том, как я отказалась (я была уверена в том, что все друзья Райана узнают о моем поступке). Либо я соглашусь на секс, но при этом будет уязвлена моя гордость и еще какое-то непонятное мне чувство, которое претило сделать задуманное. Примерно десять минут я лежала не шелохнувшись, а внутри меня боролись два чувства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/novikova_viktoriya/sekret-vospominaniy-kto-ya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити